

МАТЕРИАЛЫ

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1951 · Ленинград

ТАБЛИЦА ДРЕВНИХ АЛФАВИТОВ ИРАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ НА АРАМЕЙСКОЙ ОСНОВЕ

	Элефантин-папирусы V в. до н.э.	Накш-и-Рустем V в. до н.э.	Персидские монеты III в. до н.э.	Тексты из Нисы II в. до н.э.	Авраманский пергамент I в. до н.э.	Персидские монеты II-I в. до н.э.	Парфянские монеты I в. н.э.	Парфянские монеты II в. н.э.	Версия пахл. Сасан. надп. III в. н.э.	Согдийские документы II-IV в. н.э.
'	𐎧	𐎧	𐎧𐎡	𐎧	𐎧	𐎧𐎧𐎡	𐎧	𐎧𐎧	𐎧	𐎧
B	𐎡	𐎡	𐎡𐎡	𐎡𐎡	𐎡	𐎡		𐎡	𐎡	𐎡
G	𐎢	𐎢	𐎢		𐎢		𐎢	𐎢𐎡	𐎢	𐎢
D	𐎣	𐎣	𐎣	𐎣	𐎣	𐎣	𐎣	𐎣?	𐎣	𐎣
H	𐎤	𐎤	𐎤 <small>см. также 𐎤</small>	𐎤	𐎤𐎤	𐎤 <small>см. также 𐎤</small>		𐎤		𐎤
W	𐎥	𐎥	𐎥	𐎥	𐎥𐎥𐎥	𐎥𐎥	𐎥	𐎥?𐎥𐎥	𐎥	𐎥
Z	𐎦	𐎦	𐎦	𐎦	𐎦			𐎦	𐎦	𐎦
H.	𐎧	𐎧	𐎧	𐎧	𐎧	𐎧𐎧			𐎧	𐎧
T.	𐎨									
J	𐎩	𐎩	𐎩𐎥	𐎩𐎥	𐎩𐎥𐎥	𐎩	𐎩	𐎩𐎥?	𐎩	𐎩
K	𐎪	𐎪	𐎪	𐎪	𐎪𐎪	𐎪𐎥𐎥	𐎪	𐎪𐎪	𐎪	𐎪
L	𐎫		𐎫𐎥	𐎫𐎥	𐎫𐎥	𐎫𐎥𐎥	𐎫𐎥	𐎫𐎥	𐎫	𐎫
M	𐎬	𐎬		𐎬	𐎬	𐎬𐎥	𐎬	𐎬𐎧	𐎬	𐎬
N	𐎭	𐎭		𐎭	𐎭			𐎭?	𐎭	𐎭
S	𐎮				𐎮				𐎮	𐎮
e	𐎯			𐎯𐎥					𐎯	
P	𐎰		𐎰	𐎰	𐎰	𐎰	𐎰		𐎰	𐎰
S.	𐎱	𐎱?		𐎱?					𐎱	
K.	𐎲			𐎲	𐎲					
R	𐎳	𐎳𐎥	𐎳𐎥	𐎳	𐎳	𐎳𐎥	𐎳	𐎳𐎥	𐎳	𐎳
Š	𐎴	𐎴	𐎴	𐎴	𐎴	𐎴𐎥	𐎴	𐎴	𐎴	𐎴
T	𐎵	𐎵	𐎵	𐎵𐎥	𐎵𐎥	𐎵𐎥𐎥	𐎵	𐎵	𐎵	𐎵

МАТЕРИАЛЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск 2

И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон

НАЛОГОВЫЕ
ПАРФЯНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ
II ВЕКА ДО Н. Э. ИЗ НИСЫ

Под редакцией начальника ЮТАКЭ
действительного члена Академии наук Туркменской ССР,
доктора исторических наук,
профессора *М. Е. Массона*

К ОТКРЫТИЮ ПАРФЯНСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА ГОРОДИЩЕ НОВАЯ НИСА

В деятельности Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ при Туркменском филиале Академии Наук СССР) осенний сезон полевых работ 1948 г. в изучении Парфянской Нисы ознаменовался двумя крупными открытиями. Раскопками северного архитектурного комплекса на городище Старая Ниса, представлявшем собой крепость-резиденцию и родовой некрополь-заповедник (курук) аршакидских царей, в одном из колонных помещений в числе прочего инвентаря обнаружен был целый „клад“ предметов из резной слоновой кости, в том числе несколько десятков высокохудожественных парадных ритуальных ритонов для вина. В результате обследования городища Новая Ниса, бывшего центром рабовладельческого города, в южной части цитадели найдено несколько парфянских документов, написанных черной краской на керамических фрагментах стенок толстостенных сосудов. Обнаружены они были при следующих обстоятельствах.

Начальник 2-го отряда ЮТАКЭ, изучавшего городище Новая Ниса, М. И. Вязьмитина проводила работу двумя группами. Первая группа производила сплошное поквadrатное обследование городища с осуществлением археологических вскрытий на трех площадках. Вторая группа продолжала раскопку многоярусного некрополя парфянской знати вблизи былых восточных городских ворот. 10 IX 1948 археолог В. А. Левина получила от колхозницы-туркменки найденный при выемке земли небольшой, хорошего прокала, красного цвета в изломе фрагмент стенки глиняного хума-пифоса (толщиною в 1.8 см), с двух сторон покрытый по светлокремовой ангобированной поверхности письменами, нанесенными черной краской с помощью кисти. Этот объект обозначен ниже как черепок III. Признав надписи за пехлевийские, М. И. Вязьмитина тотчас посетила место находки. Оказалось, что фрагмент найден в южной части цитадели, где, как отмечалось еще в 1946 г., некогда возвышался дворец правителя. Много десятков лет производящиеся выемки земли, которая развозится на поля для активизации почвы, привели к тому, что большие толщи культурных слоев скрыты здесь на значительную глубину. В обресе обнажилась комната с нишей, расположенная, по мнению М. И. Вязьмитиной, в одной из башен замка правителя. Комната имела в плане несколько более 2.25×4.5 м². Место находки фрагмента с надписями оказалось чуть западнее, уже вне замка, под его стенами и значительно ниже пола упомянутой комнаты. За участком был установлен надзор. 27 IX 1948 полевой музей обогатился еще двумя такими же фрагмен-

тами, но с письменами только на одной стороне. При тщательном обследовании обреза и площадки, произведенном М. И. Вязьмитиной 28 IX 1948, обнаружены три новых остракона, общее число которых, таким образом, достигло шести. Разразившееся 6 X 1948 землетрясение привело к свертыванию большинства работ ЮТАКЭ. Были прекращены и работы 2-го отряда, и все внимание вновь сформированной группы экспедиции было переключено на извлечение из земли предметов из слоновой кости. Эта работа продолжалась до конца ноября.

Разведочные работы у места находок остраконов в 1949 г. показали, что верхние культурные ярусы заключают в себе поздние завалы, ниже которых прослеживается слой со средневековыми шестиугольными половыми плиточными кирпичами. Мощность толщи земли с остатками феодального времени достигала свыше 5 м. Много глубже на раскопной площадке вскрыты остатки разновременных стен парфянской эпохи, выполненных кладкой из крупного сырцового кирпича ($40 \times 40 \times 12$ см³) и уходящих в обрез огромного массива культурных наслоений. Обнаруженная керамика не оставляла сомнений, что тут налицо остатки зданий аршакидского времени и, судя по расположению вблизи дворца правителя, — возможно, административно-канцелярского назначения.

Уже после закрытия полевых работ экспедиции на городище Старая Ниса в старой разведочной траншее 1936 г., проходящей несколько восточнее „комнаты с ритонами“ в северном архитектурном комплексе, начальник 15-го отряда ЮТАКЭ С. А. Вязигин поднял остракон с письменами, аналогичными новонисийским фрагментам (черепок VII).

Стратиграфия места находок остраконов на Новой Нисе, характер начертания знаков арамейского алфавита, место расположения цифровых обозначений дали мне основания признать в них парфянские документы, принадлежащие какому-то архиву.¹ В целях ускорения прочтения новооткрытых эпиграфических памятников ЮТАКЭ разослала фотоснимки с них ряду специалистов Москвы, Ленинграда, Тбилиси. Результатом этого явилась публикуемая работа, коллективный труд трех авторов, — И. М. Дьяконова, М. М. Дьяконова и В. А. Лившица — по транскрипции, расшифровке и переводу первых парфянских документов, найденных на территории СССР. На расширенном объединенном заседании Ленинградского отделения Института истории материальной культуры и Ученого совета ЮТАКЭ, происходившем в Ленинграде 18 X 1950, доложенные упомянутыми авторами результаты получили высокую оценку.

Но научная значимость сделанного открытия не исчерпывается только историко-филологической стороной и утверждением приоритета советской науки в прочтении первых парфянских документов из коренных областей собственно Парфии. Важно то, что сама Парфия „заговорила“, наконец, собственными письменными первоисточниками, тогда как до сих пор скудные отрывочные сведения о ней приходилось извлекать из исторических литературных памятников, написанных преимущественно греческими, римскими, армянскими и китайскими авторами. При таком положении документы из Новой Нисы, несмотря на их небольшое количество и на относительно скромное по объему содержание, имеют определенный интерес для познания подлинного прошлого

¹ См.: „В Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции“. Изв. АН СССР, Серия истории и философии, т. VII, № 2, М., 1950, стр. 189.

Парфии.—Самый факт, что все они связаны с налоговым обложением ряда виноградников, бывших в округе Нисы во II в. до н. э., заставляет заново рассмотреть вопрос о культуре винограда и истории виноделия в Средней Азии.¹

В свое время В. В. Бартольд, основываясь на мнении Хирта, что китайское название винограда „пу-тао“ происходит от греческого термина *βότρυς*, считал, что виноделие было принесено в Среднюю Азию греками.² Поскольку в описаниях походов армии Александра Македонского (329—327 гг. до н. э.) уже упоминается наличие виноделия в Средней Азии, можно было бы думать, что его, как и самую культуру винограда, занесли сюда переселенные ахеменидским правительством греческие колонисты из западных провинций Персидского государства. В исторической литературе упоминается вывод баркиян в Бактрию, где они проживали в селении, получившем название Барки. Известен выход жреческого рода бранхидов из Милета в Согд, где потомки их обитали в небольшом городке и были перебиты по распоряжению Александра Македонского. Возможно, имели место и другие случаи переселения греческого населения. Но, во-первых, существует иная точка зрения, согласно которой термин „пу-тао“ происходит не от греческого термина, а от древнеперсидского. Во-вторых, в IV в. до н. э. отмечается уже довольно широкое распространение виноградарства в различных областях Средней Азии, что едва ли можно объяснить одним влиянием немногочисленных, исчислявшихся здесь единицами греческих колоний ахеменидской поры. В-третьих, ботаники отмечают в горной флоре Средней Азии, наряду с одичавшими некогда культурными сортами винограда, местные дикие виды рода *Vitis*, „предки“ которых могли быть использованы древним человеком для выведения из них местных культурных сортов совершенно самостоятельно и задолго до появления здесь греков-переселенцев. В-четвертых, при раскопках ЮТАКЭ в 1950 г. на Намазгах-депе близ Каахка — крупного поселения родового общества — в культурном слое времени бронзы были встречены виноградные косточки, самое скопление которых намекает на использование винограда уже как вошедшего в число культурных растений. В-пятых, о том же свидетельствует появление на анауских расписных керамических сосудах из района Кушки орнамента гроздей и спиралевидных усиков виноградной лозы.

Сведения о древнем виноградарстве в Средней Азии приводятся в основном греко-римскими авторами парфянского времени и относятся главным образом к Гиркании, Маргиане и Арии. Про Гирканию у авторов второй половины I в. до н. э. и начала н. э. Диодора (XVII, 2, 75) и Страбона (II, 2, 14) говорится, что один виноградный куст дает там метрет вина (несколько менее 40 л, если имеется в виду позднегреческий метрет, или около 26 л, если авторы применяют римские меры).³ Про Маргиану Страбон (XI, 9, 2) сообщает, что „земля здесь также производит хорошую виноградную лозу; рассказывают даже, что здесь

¹ Примером большой неопределенности в этом вопросе даже среди ампелографов может служить высказывание, касающееся западного Копетдага, будто находки там связанных с виноделием „амфор (т. е. хумов, — М. М.), относимых (археологами, — М. М.) к IX—X вв. н. э.“, считаются свидетельством „процветания в этих местах культуры винограда у жившего в указанное время (sic!) парфянского народа“ (Тр. Главн. Бот. сада, т. I, М.—Л., 1949, стр. 25, примеч. 13).

² В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 11.

³ При неточном переводе текста Диодора о Гиркании — „на одной кисти виноградной лозы столько ягод, что хватит на меру вина“ — получается явный абсурд (см., например: Древние авторы о Средней Азии. Хрестоматия под ред. Л. В. Баженова, Ташкент, 1940, стр. 119).

часто попадаются стволы, которые могут быть обняты только двумя лицами, а виноградные кисти в два локтя" (около 90 см, чаще несколько меньше, если имеется в виду наиболее распространенная мера в Персии, Греции и Риме).¹ Плиний (I в. н. э.) рекомендует Маргиану как якобы единственную область к востоку от Каспийского моря, производящую виноградную лозу (VI, 18), что явно неверно и даже опровергается свидетельством Страбона. Последний отмечает, что Ария (область верхнего течения Теджена-Херируда) превосходит Маргиану доброкачеством вина, которое сохраняется там (в Арии) до третьего поколения в сосудах, не замазанных смолой (II, 1, 14).² Интересно, что Панку (ум. в 92 г. н. э.) при описании Ферганы (Давани), в связи с походами на нее китайцев в конце II в. до н. э., отмечает широкое распространение там виноделия, причем в богатых домах вино запасали в больших количествах, и оно сохранялось без порчи несколько десятков лет.³ О распространении виноделия в Согде можно судить по наличию большого числа фигурок терракотовой скульптуры, изображающих персонажей, связанных с дионисийским культом на местной основе (немолодые силены = „лысые старцы“). Небезинтересно, что изображения гроздей и листьев винограда имеются даже на стенках согдийских гробиков-оссуариев, что подчеркивает связь культа Диониса и погребальных маздеистических обрядов.⁴

Отрывочные сведения греческих и римских авторов о необычайной урожайности винограда в Гиркании и Маргиане у ряда исследователей-историков вызывали недоверие, считались мало правдоподобными и объяснялись склонностью древних авторов к чрезмерному преувеличению.⁵ Между тем, грозди в „два локтя“ не являются уж такими „сказочными“, так как в Средней Азии ампелографическая литература зафиксировала, и мне самому приходилось видеть, кисти винограда длиной свыше 70 см. Толстые стволы виноградной лозы при местной

¹ Перевод Ф. Г. Мищенко. У В. В. Бартольда приводится неточно, будто в греческих источниках имеются сведения „о сортах винограда на Мургабе“ (см. его „Историю культурной жизни Туркестана“, Л., 1927, стр. 3).

² Вопреки мнению В. В. Бартольда, что вино в Арии сохранялось в бочках (см. его ук. соч., стр. 6), судя по археологическим данным, очевидно, что под „сосудами“ Страбона подразумеваются глиняные корчаги-хумы.

³ Н. Я. Бичурин. История Старшего дома Хань. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II. М.—Л., 1950, стр. 187. Китайцы впервые познакомились с культурой винограда и виноделием в результате миссии Чжан-Цяна в Среднюю Азию в третьем десятилетии II в. до н. э. По мнению В. В. Бартольда, китайцы нашли в Фергане такой же способ хранения вина, как и греки на Герируде, что весьма вероятно (см. его ук. соч., стр. 6), хотя и не вытекает из данных привлекаемых письменных источников.

⁴ Возможно, не случайно наряду с обычными оссуариями ящичной или овальной формы задолго до арабского завоевания Средней Азии здесь в ряде мест допускалось помещение костей покойников в небольшие хумы, служившие тогда в быту при широком распространении виноделия основной тарой для хранения вина. Постепенное внедрение ислама не могло не способствовать известному сокращению виноделия, но упразднить его окончательно ортодоксальное мусульманское духовенство не могло даже в периоды наибольшего разгула реакции и мракобесия.

⁵ См., например: С. А. Вязигин. Материалы по исторической географии Туркменистана. Сообщ. II. Изв. Туркменск. фил. АН СССР, 1949, № 1, стр. 18. Одновременно автор в оправдание сведений античных писателей о величине виноградных гроздей и толщине лоз приводит длину первых размером более 80 см, а окружность ствола винограда — свыше 3 м, с ссылкой на В. Е. Таирова (Словарь-справочник по виноградарству и переработке винограда. М., 1940, стр. 91) и А. С. Мержаниана (Виноградарство. М., 1939, стр. 113). Между тем, на указанных страницах у В. Е. Таирова говорится о толщине стволов в $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ м (в диаметре) и толщине ветвей от 0.5 до 1 м (в окружности). В цитируемой же работе А. С. Мержаниана на указанной странице при приведении разных размеров кистей допущена опечатка: 81 см вместо „свыше 31 см“, что отчетливо явствует и из контекста.

штамбовой культуре (которая и доныне преобладает в южной части Туркменской ССР) не могли не поражать греков. Отдельные экземпляры винограда достигают и сейчас весьма крупных размеров, иногда более полуметра в диаметре. Кроме того, в древности широко применялся примитивный прием пуска виноградной лозы на крону крупного дерева, что практикуется и до настоящего времени в ряде мест, в частности в Южной Туркмении.¹ Дерево при этом часто гибнет, причем в некоторых случаях его искусственно высушивают на корню, как это делают, например, в долине Сумбара, где такое дерево-подпорку называют „шеп“. Лоза оплетает его ветви, листья и грозди окутывают всю крону дерева, и неопытный грек-наблюдатель легко мог принять дерево-подпорку за одно целое с лозой и составить себе неверное представление о толщине ствола виноградного куста.

Наблюдения специалистов показали, что пущенные на деревья кусты культурного винограда, оказываясь при этом в естественных условиях, подобно своим дикорастущим в горных ущельях родичам, обладают исключительной силой плодоношения. В южных частях горного Таджикистана (Дарваз) нередки случаи, когда один экземпляр винограда оплетает своими ветвями целую рощицу деревьев, а в пору плодоношения бывает отягчен многими сотнями гроздей, нередко свыше полутысячи, в зависимости от возраста. П. А. Баранов и И. А. Райкова в кишлаке Джамак на Язгулеме наблюдали один старый куст хусайне, разделявшийся на высоте 70 см от основания ствола на три главные ветви в 10, 13 и 15 м длиной.² Те же авторы встретили при изучении района Нухура (Южный Туркменистан) в Кайна-Касыре пышный на дерево виноградный куст кизыл-узюма (кизыл-келим-бармак), который нес на себе свыше 750 гроздей, развитых совершенно нормально и с ягодами, почти не отличавшимися по своей величине от таковых же на штамбах, но лишь несколько менее сладкими.³ Мне самому пришлось видеть лет сорок с лишним назад под Самаркандом огромную виноградную лозу, росшую у большого арыка и доверху окутывавшую своими ветвями и листьями высокий засохший тополь. По словам старика-владельца, лоза была посажена его дедом, когда тот был еще юношей, и давала в последние годы свыше тысячи гроздей. Совершенно очевидно, что с подобных гигантских кустов свободно можно было собрать урожай для изготовления одного метрета вина, как об этом сохранили свидетельство Диодор и Страбон для Гиркании.

О былой роли виноградарства в древней Маргиане можно теперь отчасти судить по материальным следам прошлой деятельности человека. Работами ЮТАКЭ 1950 г. обнаружено обилие виноградных косточек на Гяур-кала в слоях позднепарфянского и раннесасанидского времени. Следы некогда бывших виноградников прослежены далеко от развалин Старого Мерва в сторону песков. Несомненно, что именно виноградники в большой мере способствовали высокой оценке греками плодородия Маргианы и тому „изумлению“ Антиоха I Сотера (280—261 гг. до н. э.), которое якобы имело своим последствием восстановление разрушенной местными жителями Александрии, получившей сначала название Селевкии, а затем Антиохии, и окружение всего

¹ П. А. Баранов, М. Г. Попов и И. А. Райкова. Виноградарство Нухурии. Тр. по прикл. бот., генет. и селекц., т. XXIV, № 1, Л., 1930, стр. 193 и сл.

² П. А. Баранов и И. А. Райкова. Дарваз и его культурная растительность. Изв. Общ. для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. 1, Ташкент, 1928, стр. 100.

³ П. А. Баранов, М. Г. Попов и И. А. Райкова. Виноградарство Нухурии, стр. 193.

оазиса стеной в 1500 стадий.¹ Мне думается, что ее возведением преследовались две цели: как-то обезопасить Маргиану от набегов кочевников, с одной стороны, а с другой — попытаться оградить культурные земли изобиловавшего виноградными лозами оазиса от наступления песков.

О значении виноделия в парфянской культуре свидетельствуют некоторые памятники материальной культуры, в частности монеты. На некоторых из них, например в чекане Фраата IV (38/7—3/2 г. до н. э.), изображены то ширококонусная, слегка крылатая гроздь винограда с двумя хлебными колосьями по сторонам, то пара плотных крупных конусовидных виноградных кистей по бокам от стройной амфоры с двумя ручками, на горлышке которой сидит со сложенными крыльшками птичка. Раскопки на городище Старая Ниса в 1949 г. в слоях II в. до н. э. дали глиняную форму-калып для отливки из металла рельефной, уплощенной с одной стороны, опять же ширококонусной, слегка крылатой, плотной виноградной грозди. О ритуальном использовании вина в царском быту свидетельствуют упоминавшиеся в начале несколько десятков ритонов того же времени, извлеченные ЮТАКЭ в 1948 и 1949 гг. при вскрытии северного комплекса помещений на том же городище.² На одном из них со сценой Дионисийского фиаса и на другом с сюжетом Артемиды, сидящей среди охотниц-нимф, имеются выгравированные изображения ветви винограда в виде побега, напоминающего позднейший среднеазиатский орнамент „ислими“, причем от виноградной ветви отходят окрашенные красной краской резко выраженные пятилопастные листья и многочисленные усики и побеги, чередующиеся с гроздьями; ягоды выполнены темносиними ямочками. Этот же мотив имеется на одном из фризів парфянского дворца в Хатре. Среди других сцен с вакхическими сюжетами на нисийских ритонах имеются различные изображения кожаных бурдюков, амфор, кратеров, фиалов и других сосудов для вина.

Никаких письменных известий о виноделии в самой области Парфии до сих пор не было известно, и с этой стороны содержание парфянских документов из Новой Нисы приобретает особый интерес. Теперь не может быть никаких сомнений в существовании здесь в парфянскую эпоху местной выделки вина.

На новонисийских остраконах до нас дошли названия трех „податных виноградников“, из которых Накбакан (? = Nkbkn) и Нтрк упоминаются дважды в разных документах, а Кешеш (или Кашаши = Kššy) — один раз. Кроме близкого по созвучию к названию третьего виноградника наименования бывшего селения, а нынче пригорода Ашхабада Кеши, других совпадающих терминов в современной топонимике Багирского района нет. От средних веков до нас не дошло указаний, где концентрировались тогда в основном площади, занятые в окрестностях Нисы виноградниками. В конце прошлого столетия самыми старыми виноградниками в районе считались те, которые расположены в Багире и Кипчаке.³ Принимая, однако, во внимание иное по сравнению с современностью распределение здесь воды в древности и колебания ее

¹ Об обнаружении остатков районной стены Антиоха в Маргиане см. статью С. А. Вязигина в Тр. ЮТАКЭ, т. I [Ашхабад, 1949 (1950), стр. 260—275]. О том, что обилие винограда в древней литературе считалось наиболее ярким признаком плодородия тех или иных областей, см.: В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, в. 1, Ашхабад, 1949, стр. 10.

² Суммарную характеристику их см.: М. Е. Массон. Новые данные по истории Парфии. ВДИ, № 3, 1950, стр. 45—47.

³ М. Баллас. Виноделие в России, ч. VI. Азиатская Россия (Туркестан). СПб., 1903, стр. 20.

режима за исторический период,¹ можно только предполагать, что упомянутые парфянские виноградники были расположены в окрестностях Нисы, простиравшихся на север не далее земель селений Гекча и Кипчак.

Несомненно, виноградные ягоды употреблялись здесь в парфянское время в свежем виде для еды, шли на сушку для приготовления изюма-кишмиша, применялись, должно быть, для варки заменявшей мед патоки-шинны (в правописании شيرنى) или бекмез (بكماز), но главным образом обращались на выделку вина. Вероятно, в соответствии с многосторонним использованием, в распоряжении парфянских виноградарей были различные технические и столовые сорта, что будет установлено в результате изучения специалистами-ампелографами получаемого при археологических раскопках косточкового материала. Это в свою очередь даст возможность уточнить ряд вопросов по истории виноградарства и виноделия в Средней Азии, в частности по выяснению исконных местных сортов. Пока же допустимо лишь предположить, что к местным сортам относился тот парфянский виноград, который является предком современного широко распространенного в Туркменской ССР урожайного сорта „тер-баш“, годного и для стола, и для сушки и вместе с тем для производства хороших десертных и крепких вин. Одним из аргументов в пользу такого предположения может служить отчасти то, что на памятниках искусства парфянского времени изображаются ширококонические средней величины грозди, часто крылатые, столь характерные и для нынешнего тер-баша.²

Особый интерес представляет употребление слова „хум“, в первом документе условно читаемое в предполагаемой более древней форме „хумб“, однако с оговоркой, что последний знак может быть отнесен и к цифре „десять“. В настоящее время в Средней Азии во всеобщем обиходе находится первая форма (خُم), но в юго-восточных областях Таджикистана в живой речи сохраняется и термин „хумб“ (в частности в географических названиях). Бытующие у коренного населения донные хумы — крупные керамические корчаги — хорошо известны археологам, работающим в Средней Азии, для всех эпох, начиная с родового общества, и в основном считаются сосудами для воды, для бузы, для уксуса (если у дна имеется отверстие), для хранения зерна. В меньшей мере хумы считаются вместилищами для виноградного вина, на какое назначение прямо указывают тексты парфянских документов. Безусловно не случайно в прежнее время в Туркестане термин „хумхана“ (خمخانه 'дом хумов') применяли для обозначения „винного погреба“ и „кабачка“. Об использовании хумов для вина в средние века прямо указывают уйгурские надписи их венчиков, регистрируемые с двадцатых годов нашего столетия³ в Семиречье на развалинах Сарыга (Красно-реченское городище) и в других местах. При раскопках А. Н. Берн-

¹ Об этом см.: М. Е. Массон. О колебании климата в Средней Азии в связи с вопросом об изменении режима вод за исторический период. Тр. Узбекистанск. географ. общ., т. II (XXI), Ташкент, 1948, стр. 3—23. О площади поливных культурных земель средневековой Нисы, устанавливаемой распространением керамики и ракушек моллюска *Melanopsis praemorsa*, см. Тр. ЮТАКЭ, т. I [Ашхабад, 1949 (1950), стр. 58].

² Весьма вероятно, что парфяне уже умели изготавливать вино и из изюма-кишмиша, позднее известное под термином „набид“ (نبيد). Об употреблении набиды у огузов в X в., в частности при погребении, имеется прямое указание Ибн Фадлана (Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перев. и комментарий А. П. Ковалевского, М.—Л., 1939, стр. 63).

³ Первый такой венчик, найденный там в 1928 г., хранится в Археологическом кабинете Среднеазиатского Государственного университета.

штама в 1939 г. на территории рабада Сарыга был вскрыт дом с приспособлением для изготовления вина в виде чана, где давились виноградные ягоды, и соединенного с ним посредством керамической трубы-кобура вкопанного в землю хума. Последний был перекрыт крышкой. Найденные при раскопе монеты, чеканенные с именем каракханидского хана Арслана, позволили уточненно датировать раскапывавшееся здание XI в.¹ Сделанные позднее попытки разобрать надписи на всех ставших известными семиреченских венчиках хумов позволили А. Н. Бернштаму предложить их первую расшифровку, по которой сам хум в одном случае назван чагатайским термином *suur* (на более крупном сосуде), а во втором — *qa* (на меньшем по размерам объекте).²

Из налоговых нисийских документов с несомненной очевидностью явствует, что хум являлся мерой емкости для жидких тел, в частности для вина. Очевидно, так же он использовался в средние века, причем эквивалентом бралась вода, в связи с чем на некоторых венчиках семиреченских хумов и написано „батман су“, т. е. „батман воды“. Батман обыкновенный как мера веса не имеет в настоящее время и не имел в старину единой определенной величины, но изменялся в разные эпохи, а в пределах каждой варьировал в зависимости от местности. Так, еще в начале XX в. батман в Самарканде считался в 8 пудов, в Ташкенте — в 11, в Джизаке — в 12, в Уратюбе и Ходженде — в 16 и т. д. Во многих местах в Фергане самой крупной мерой веса был чойрак — несколько меньше 5.5 пуда. Теоретически батман считался мерой веса каких-либо семян (пшеницы, ячменя и т. п.), высевавшихся на то или иное количество танапов земли, почему отчасти его колебания зависели от тех или иных земледельческих норм и расчетов, практиковавшихся в разных районах. Так, в Самарканде 1 батман пшеницы-трамаи (поливной) шел на 4 танапа, пшеницы-богары — на 12 танапов, ячменя-трамаи — на 3 танапа и т. д. Несомненно такая же неустойчивость была и в отношении „батман су“, т. е. хумов.³

Чему был равен „узаконенный“ хум в Нисе в парфянское время, определить с уверенностью пока нельзя. Встречавшиеся при раскопках ЮТАКЭ на территории багирских земель яйцевидной формы парфянские хумы без всякой орнаментации имеют около 1 м высоты, но варьируют как по максимальному диаметру, так и по сечению. Один из крупных хумов, найденный в хозяйственном помещении южного комплекса на городище Старая Ниса, оказался вместимостью до 212 л. Лишь на 10 см ниже его, но более узкий хум, выкопанный на городище Новая Ниса, имел максимальную емкость в 109 л. Принимая во внимание, что сосуды до краев никогда не наполнялись во избежание расплескивания (особенно учитывая отсутствие у парфянских

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 89.

² А. Н. Бернштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, М.—Л., 1947, стр. 35; Уйгурская эпиграфика Семиречья, II. Эпиграфика Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 103, 104.

³ А. Н. Бернштам, следуя предложению С. Е. Малова, в чтении этого термина на уйгурской надписи венчика упоминавшегося хума тюркскому слову „су“ предпочел китайский термин „ху“ для обозначения веса от 4.5 до 5 пудов, что будто бы и соответствует „батману“ (см. его статью в „Эпиграфике Востока“, I, 1947, стр. 37). Но, во-первых, не известно, была ли в употреблении в XI в. в Семиречье вообще эта китайская мера? Во-вторых, если была, то соответствовала ли она тогда тоже 4.5—5 пудам? В-третьих, совершенно непонятно утверждение автора, что объем выкопанного хума с надписью полностью соответствует 4.5—5 пудам вина. Судя по чертежу и по приведенным на стр. 36 цифрам, объем хума превышает 300 л и, следовательно, может вмещать вина по весу почти в четыре раза больше, чем привлеченное А. Н. Бернштамом иноземное „ху“.

хумов шейки горловины или хотя бы высокого, отогнутого наружу венчика), можно полагать, что объемы обмеренных хумов условно принимались как кратные с отношением 1:2. Ни на одном из найденных в Южной Туркмении парфянских хумов не было до сих пор обнаружено каких-либо знаков, которые бы, подобно клеймам астиномов на амфорах, удостоверяли точность принятой меры емкости.¹ Лишь в 1946 г. из хозяйственного помещения в южном комплексе зданий на городище Старая Ниса удалось извлечь один из находившихся в нем хумов, на котором снаружи оказались в двух местах тулова следы старопехлевийской надписи в несколько строк, нанесенной черной краской с помощью кисти. В одном месте надпись в две строки явно пытались удалить (стереть) еще в древности. В другом — из семи строчек сохранились, и то лишь фрагментарно, четыре. По археологическим данным хумы можно было отнести ко II — началу III в. н. э., а по палеографическим признакам А. А. Фрейман признал надпись восходящей к „предсасанидской эпохе“. Возможно, что содержание ее имело отношение к назначению хума и к показанию его меры.²

Несомненно, что у парфянского хума как крупной меры были свои кратные меры-доли, подобные римским амфорам (более 26 л) и другим более мелким единицам. Сами амфоры и амфороподобные сосуды с ручками, делающими их удобными для переноски, были находимы ЮТАКЭ в культурных слоях парфянского времени, но так же, как и хумы без каких-либо опознавательных знаков. Вероятно, анализ их объемов позволит выяснить примерную, существовавшую в Парфии, систему мер для жидких тел, возможно имевшую в основе единицу, близкую к употребляющейся до настоящего времени в обиходе у народов Средней Азии „касе“ (كاسه 'чашка'; размеры ее различны в разных районах; условно 30 самаркандских касе соответствуют по объему ведру).

Хум как своего рода крупный многоемкий „батман су“ (ср. термин „батман тюра“, употребляемый в качестве насмешливой клички толстяков-мужчин) служил стационарным вместилищем для вина. Для перевозки и переноски он неудобен по своей форме и из-за слишком большой тяжести. Как показали археологические исследования, хумы для большей устойчивости вкапывались часто по несколько штук в землю на 10 см и глубже, иногда почти целиком. Во время проезда по долине Сумбара в 1929 г. я обратил внимание на наличие в случайно получившихся обрезах культурных слоев врытых некогда в землю крупных хумов, иногда с песочным фильтровальным осадком и с отверстием у дна, затыканным деревянной пробкой. В некоторых из корчаг внутри встречались осколки небольших неглазурованных глиняных сосудов, которые когда-то опускались пустыми, но наглухо закупоренными в хумы с вином, с тем, чтобы последнее, проникнув в них через поры тонких стенок, дало бы особой чистоты виноградное „майи-наб“ (مای ناب 'прозрачное вино').³

¹ На древних хумах из других областей Средней Азии известны различные знаки типа клейм. Так, в Археологическом кабинете Среднеазиатского Государственного университета имеются фрагменты хума первых веков нашей эры из окрестностей Ташкента с процарапанными на них тамгами. Там же есть фрагмент венчика хума из Ферганской долины с нанесенными „резами“ типа древнетюркских рунических письмен. Имеются тамгообразные клейма и на согдийских хумах из долины Зерафшана.

² Тр. ЮТАКЭ, т. I, стр. 50 и 51, фотография с уцелевшей части надписи на стр. 50.

³ Все эти факты, наряду со сделанными наблюдениями, что распространение так называемых „диких“, а в действительности одичавших виноградных лоз связы-

Хумы сверху прикрывались крышками, а в некоторых случаях затягивались материей или, может быть, даже кожей, о чем свидетельствуют экземпляры их, найденные в 1948 г. в комнате с ритонами на Старой Нисе. У этих корчаг несколько ниже уплощенного венчика имелось по четыре небольших, расположенных на равном расстоянии с продольным отверстием петлеобразных налеса, которые предназначались для более плотного затягивания мягкой покрывки с помощью ремешков.

В самом немногословном содержании нисийских остраконов особое значение имеют трафаретные, повторяющиеся в них канцелярские выражения: „из виноградника податного (т. е. подлежащего налоговому обложению), который... (так-то) называем... взнос на год (такой-то)“. Расшифрованные даты с переводом их из расчета аршакидской эры укладываются в отрезок времени правления Митридата II (123—88 гг. до н. э.) или, при условии, что знак, принимаемый за „десятку“, обозначает „двадцатку“, — на пору царствований Синатрука (77—70 гг. до н. э.) и Фраата III (70—57 гг. до н. э.). По разработанной ЮТАКЭ периодизации это было начало второго „филэллинского“ периода, который охватывает время со второго десятилетия II в. и до тридцатых годов I в. до н. э. и к концу которого Парфия достигает апогея внешнего блеска в результате удачной борьбы с Римом.¹ Переживавшийся внутри государства расцвет рабовладельческого строя не мог не повлечь за собой усиления частновладельческого рабства и укрепления на его основе землевладельческой родовой знати даже в таких окраинных северо-восточных областях, как Парфиена. Из-за малого количества земли, годной для обработки и могущей быть орошенной из довольно ограниченного числа водных источников, тут, при наличии несомненной конкуренции, и не могли сложиться крупные поместья-латифундии, но бесспорно уже и тогда были более или менее значительные усадьбы с фруктовыми насаждениями, составлявшие собственность отдельных рабовладельческих семей. Вероятно, как и в других странах Востока, они не только назывались по имени владельца, но получали и собственные названия, каковой обычай, пройдя через все средневековье, сохранялся в некоторых местах в Средней Азии до недавнего времени. Вот почему упоминание в нисийских налоговых остраконах только названия виноградника, может быть, отражает положение, при котором этими документами фиксировался налог не обязательно только с общинных участков, но и с широко известных в это время родовых усадеб, почему и не было надобности в представлении имени их хозяев, крупных и знатных рабовладельцев.

В пору составления текстов разбираемых документов употребление монеты внутри страны имело широкое распространение, и парфянская драхма начинала уже с этого времени играть видную роль

вается с наличием вблизи них археологических остатков былых поселений, позволили мне уже в 1929 г. прийти к заключению о широком развитии в древности виноделия в долинах Сумбара и Чандыра (см.: М. Е. М а с с о н. Силуэты Сумбарского района. Историко-археологический очерк. Туркменоведение, № 3—4, 1931, стр. 53 и 55). О глубокой древности здесь культуры виноградарства и о его значении в жизни населения могут отчасти служить свидетельством сохранявшиеся обычаи, связанные с заботами об увеличении плодоношения лоз. В ряде пунктов по Сумбару двадцать с лишним лет назад можно было наблюдать, как на поддерживающие виноград опоры-шепы навешивали черепа домашних животных (лошадей, коров, верблюдов), которым приписывалась магическая сила оказывать благотворное влияние на увеличение урожая. Характерно, что на старых мазарах там встречались преимущественно черепа диких животных (горных козлов, архаров).

¹ См.: М. Е. М а с с о н. Некоторые новые данные по истории Парфии. ВДИ, № 3, 1950, стр. 47.

в качестве международной валюты в денежном обращении сопредельных стран, в том числе в Средней Азии (в последней, судя по монетным находкам, с Синатрука). При таком положении заслуживает особого внимания тот факт, что налоговый сбор указывается натурой, в данном случае вином, без перевода его стоимости на деньги. Очевидно, правителю Нисы в то время требовался запас значительного количества вина, возможно, для помещавшегося рядом царского заповедника, содержание которого, несомненно, тяжелым бременем ложилось в первую очередь на податное население соседнего города и его ближайших окрестностей.

В обнаруженных нисийских остраконах отмечается колебание размера налога с виноградников, начиная с 1 хума вина до 10 за год и даже выше, если в документе I предполагаемая буква „б“ в слове „хумб“ действительно обозначает знак „десятки“. Приняв за единицу меры „малый“ парфянский хум из Нисы объемом несколько более 100 л, мы получим, что налог по документу V исчисляется в количестве около 1000 л. Если же допустить, что за „батман су“ считался чаще встречающийся при раскопках хум в 200 л с лишним, то цифра обложения виноградника превысит 2000. Она возрастет чуть не до 5 т, коль скоро согласиться на чтение „двадцатки“ вместо „десятки“. Но эта баснословно высокая для своего времени цифра не может не служить аргументом против допускаемого предположения о возможном разночтении. В том, что с виноградника Нтрк в 133 г. должны были внести 8 (или 7) хумов, а в 140 г. только 1 хум вина, допустимо видеть или предоставленную налогоплательщику льготу, или снижение подати в результате уменьшения виноградника, может быть, в связи с гибелью от заморозков виноградных лоз, обычно не прикрывавшихся в Южном Туркменистане на зиму.

Виноградники, поскольку они приносили их владельцам порядочный доход, всегда высоко облагались в Средней Азии. В Бухаре при эмирате уплачивавшиеся с танапа виноградника так называемые „алафпули“ достигали 16—20 тенег. В средние века при сборе поземельной подати натурой с искусственно орошаемых участков налог исчислялся чаще всего в размере $\frac{1}{5}$ урожая. В государстве Сасанидов при Хосрове I налог с урожая взимался из расчета от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ его части в зависимости от плодородия почвы, причем, если за джериб посева пшеницы или ячменя с пересчетом на деньги брался 1 дирхем, то за виноградник вносилось в восемь раз больше, т. е. столько же, сколько уплачивалось за 32 финиковые пальмы или 48 оливковых деревьев. Возможно, что близкие к этим соотношения существовали и в Парфии при династии Аршакидов.

Для истории важно было бы выяснить, что именно представляют собой новонисийские документы, когда они составлялись, как использовались и почему хранились в архиве какой-то канцелярии, располагавшейся внутри цитадели под стенами дворца правителя?

Из переводов авторов расшифровки этих остраконов явствует, что в их содержании имеется специальный канцелярский термин НУТ', которым начинается во всех случаях самый текст и который служил обозначением данного вида документа. Буквальный смысл его — 'то, что показывают', 'то, что предъявляют', 'то, что объявляют'. Затем в конце поставлена глагольная форма НУТУ, в которой авторы расшифровки допускают или повелительную или безличную форму прошедшего времени ст глагола 'доставлять', 'приносить'. Наконец, в подписи упомянуто составившее документ чиновное лицо с титулом, который авторы предпочитают читать как „марубар“ в значении 'счетовод'.

За отсутствием других данных для выяснения поставленных выше вопросов неизбежным становится обращение к практике сбора налогов натурой в Средней Азии в более поздние времена.

Всегда узаконенным было положение, что до производства налоговыми чиновниками оценки урожая нельзя снимать спелые плоды с деревьев, а с хирманов убирать обмолоченное зерно. В мусульманской агнографической литературе имеется указание, будто популярный самаркандский казий IX в. Абди Дарун не допустил при судебном разбирательстве в качестве свидетеля своего отца на том основании, что тот, еще в малолетство казия, однажды принес гостю некоторое количество винограда из своего виноградника до производства расчета по хараджу, т. е. совершил беззаконие.

Вообще сбор подати натурой был нелегким делом. В распоряжении заведующего сбором лица которое в разное время и в разных областях носило различные наименования, всегда состояли десятки мелких служащих, которые с ранней весны начинали следить за обработкой участков, за количеством хозяев и работников на них, за всходами и за созреванием урожая. При далеко несовершенной системе учета и слабо поставленной статистике обычно только ко времени созревания урожая начиналось составление или, вернее, уточнение списков налогоплательщиков; списки эти представлялись заведующему сбором подати. Когда снимался урожай зерна, то оно в обмолоченных кучах „опечатывалось“ обычно с помощью глиняных комьев, с оттиском по сырой глине знака или имени мелкого чиновника. Такие комья вставлялись в кучи на определенных расстояниях и высоте так, чтобы оттиски находились на одном уровне с поверхностью зерна. „Печати“ до определения заведующим сбором размера подати должны были оставаться в неприкосновенности. Ответственность за это возлагалась на налогоплательщиков, которые при обнаружении сдвинутых „печатей“ обвинялись в расхищении и несли наказание.¹ Сбор подати натурой производился тотчас по установлении ее размера в зависимости от определенного „на глазок“ общего количества урожая и по занесении установленной цифры в хараджную запись. При ее заполнении и оглашении обязательно присутствовал один грамотный „мулла“. Подать свозили сами налогоплательщики в определенное место (в Ташкенте, например, в первой половине XIX в. прямо в цитадель бека). Индивидуальных расписок не водилось, а старостам выдавалась одна общая квитанция на сдачу налога всем кварталом, селением или обществом.

Над составлением списков налогоплательщиков при обложении фруктовых насаждений и виноградников также работали в пору созревания урожая. Уплата же подати, коль скоро она производилась не свежими фруктами, а продуктами из них или даже деньгами, растягивалась иногда на несколько месяцев, но совершалась не позднее весны следующего года. Во всяком случае, вся процедура обложения, сдачи и приема налога натурой оставляла широкий простор для злоупотреблений, как это было, вероятно, и в государстве Аршакидов.

¹ Очень вероятно, что часть находимых в Средней Азии округлых глиняных „печатей“ (с вырезанными иногда на обеих сторонах тамгами или грубоватыми изображениями) и трактуемых часто археологами как „амулеты“, в действительности представляет собой в некоторых случаях примитивные печати бесчисленных древних „даруг“ и других мелких чиновных людей, связанных с налоговым делом. Изображения археологических „печатей-амулетов“ см., например, в работе Г. В. Григорьева „Келесская степь в археологическом отношении“ (Изв. АН Казахской ССР, № 4, в. I, Серия археологическая, Алма-ата, 1948, стр. 73).

Сопоставляя с изложенным немногие данные новонисийских остраконов, можно представить следующий порядок их появления и применения.

Текст остраконов в повелительной форме составлялся, вероятно, осенью на самих облагаемых виноградниках на основании полученного урожая (а может быть, даже после разливки сусла в хумы), тотчас вслед за определением размера подати и по занесении цифры ее в налоговый список. Делалось это в присутствии главного чиновника, ведавшего всей налоговой системой области, одним из грамотных счетоводов-марубаров, которых в Нисе одновременно было несколько. Трое из них, согласно документам, известны теперь нам по именам: Вахуман, Михредат и Роштан. Остраконы вручались тут же на месте как предписания налогоплательщикам. Последние, возможно уже весной следующего года, по получении „новоизготовленного вина“ должны были, но не обязательно лично, доставить в управление налогами определенное количество хумов вина, указанное в остраконах, которые служили при сдаче как бы „накладными“, составленными на „предъявителя“ с упоминанием виноградника, но без проставления имени его владельца.¹ Остраконы собирались и хранились при канцелярии как учетные документы в течение нескольких лет и могли поступать в одно и то же время за разные годы в случае уплаты подати не „новоизготовленным“ вином из прошлогоднего урожая, а вином более выдержанным. Управление налогами, его канцелярия и склад продуктов натуральных податей естественнее всего должны были располагаться в цитадели, и если не на территории участка правителя Нисы, то по соседству с его резиденцией. Это как раз и соответствует нахождению рассматриваемых документов в цитадели городища Новая Ниса. Надо думать, что аршакидские чиновники, как и их среднеазиатские собратья феодального времени, а равно и разного рода позднейшие — амлякдары, серкеры, даруги и др., — не очень стремились к уточнению процедуры отчетности, чтобы в интересах личного обогащения обеспечить наилучшие условия для разных незаконных проделок.

Нисийские остраконы, разумеется, имеют особое значение с точки зрения языка и письменности, являясь в настоящее время старейшими памятниками из Парфии и к тому же происходящими из коренной ее области.

В работах И. В. Сталина по вопросам языкознания² в числе многих высказанных положений имеет важное значение для археологов новое уточнение в вопросе о проблеме двух культур, почти не разработанной для феодализма и предшествующего времени. Прекрасную иллюстрацию положений И. В. Сталина, раскрывающих антинаучность марровского, так называемого „классового языка“, мы имеем в материалах, добытых Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией.

Как известно, многочисленные парфянские монеты аршакидского чекана, долгое время остававшиеся единственными письменными памятниками Парфии, несут в основной массе легенды, выполненные греческим шрифтом и на греческом языке. При дворе ставились греческие трагедии. В духе эллинистической школы изготовлялись многие предметы искусства и быта. На одном, сделанном из слоновой кости художественном царском ритоне, выкопанном ЮТАКЭ в 1949 г. на горо-

¹ Остраконы как подлежащие архивному хранению „накладные“ заблаговременно могли быть написаны также с глаголом в прошедшем времени, поскольку они приобретали законную силу отчетного документа только при поступлении в канцелярию одновременно со сдачей налога на склад.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. „Правда“, 1950, стр. 9 и сл.

дище Старая Ниса, вырезана греческая надпись ΕΣΤΙΑΣ. Филэллинствовавшие аршакидские цари, придворная среда, парфянская знать, вероятно, „баловались“ греческим языком, подобно тому, как это имело место с французским у верхушки русского общества XVIII—XIX вв. И вполне возможно, что у парфянской рабовладельческой верхушки сложился и употреблялся в быту свой жаргон с большим числом греческих слов.

Наряду с этим, налицо новонисийские остраконы, предназначавшиеся к использованию более широким кругом лиц парфянского народа. Они написаны уже на парфянском языке, вероятно на одном из коренных народных диалектов, и не греческим, а своим местным алфавитом, выработавшимся на основе так называемой „арамейской“ письменности, которая получила распространение в странах Средней Азии уже в пору вхождения их в состав Ахеменидского государства. Авторы расшифровки первых парфянских остраконов пришли на основании серьезного анализа к важному для историков выводу (стр. 55), что в документах Нисы усматривается „лишь отдаленное влияние арамейской письменности, как самой графической основы... но не непосредственное влияние арамейской канцелярии; можно сомневаться вообще в ее существовании в Парфии; писцы наших документов во всяком случае являлись парфянами, как доказывают уже самые их имена“ (разрядка моя, — М. М.).

В заключение нельзя не вспомнить, сколько интересных памятников древней письменности, важных для изучения истории культуры народов Средней Азии, было найдено здесь за период советской власти.

Открытия начались с обнаружения в 1932 г. в древних горных выработках месторождения Ачикташ на южном склоне Киргизского хребта еловой палочки, покрытой древнетюркскими руническими знаками — первый в мире и пока считающийся единственным случай нахождения эпиграфического памятника с этими письменами, выполненными „резами“ на дереве.¹ В 1932—1933 гг. был открыт целый архив согдийских документов в развалинах Мугкала близ селения Хайрабад в верхней части долины Зерафшана — первый случай обнаружения согдийских рукописей на „своей родине“, в Согде.² Через три года при работах Термезской археологической комплексной экспедиции на приамударьинском городище Термеза был найден кусок сосуда из мергелистого известняка с высеченной надписью почерком карошти времени кушанского владычества — первый случай обнаружения памятников этого письма на территории СССР.³ Раскопки Хорезмской археологической экспедиции 1948 г. на Топрак-кала сопровождались открытием остатков архива фрагментированных документов на коже и дереве, написанных на хорезмском языке алфавитом арамейской группы, занимающим промежуточное положение между парфянским и древнесогдийским, известным по письмам не ранее II в. н. э.⁴

¹ См.: М. Е. Массон. К истории открытия древнетюркских рунических надписей в Средней Азии; С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, в. 6—7, М.—Л., 1936.

² Согдийский сборник. Инст. востоковед. АН СССР, Л., 1934; М. Е. Массон. Находка согдийских рукописей в долине р. Матча в Таджикистане. Комитет наук Узбекск. ССР, Соц. наука и техника, № 3—4, Ташкент, 1934.

³ М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. Тр. Узбекистанск. фил. АН СССР, сер. I, вып. 2; Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940, стр. 81—84.

⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1948 г. Изв. АН СССР, Серия истории и философии, т. VI, № 3, М., 1949, стр. 260, 261.

В том же 1948 г. были открыты публикуемые ниже остраконы из парфянского архива городища Новая Ниса — самые ранние памятники письменности из числа найденных не только в пределах Туркменской ССР, но и на всей территории Средней Азии.¹ Они еще немногочисленны, скромны по содержанию, но их значение определяется ролью в мировой истории Парфянского государства, начало могуществу которого было положено некогда в областях Южного Туркменистана племенами, участвовавшими в сложении этногенеза туркмен, входящих ныне в братское объединение народов СССР.

Остраконы Новой Нисы — это лишь первые, но красноречивые предвестники возможных новых открытий памятников парфянской письменности в пределах Туркменской ССР, а их быстрая и успешная расшифровка соединенными усилиями дружного коллектива советских специалистов различных отраслей знания — залог наших новых предстоящих достижений, обеспеченных самым положением науки в СССР.

¹ О прочих открытиях разнообразных эпиграфических памятников в Средней Азии за последние годы см. статьи А. Н. Бернштама в „Эпиграфике Востока“ (I, 1947; II, 1948; III, 1949).

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ДРЕВНЕЙ НИСЫ

(Дешифровка и анализ)

1. Обстоятельства находки документов

В 1948 г. 2-й отряд Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством М. И. Вязьмитиной обнаружил во время раскопочных работ внутри калы городища Новая Ниса под северным внутренним фасом возвышенной части, где предположительно должен был находиться дворец правителя, фрагменты больших сосудов с надписями, сделанными черной краской. Всего было найдено шесть черепков с надписями, один из них исписан с двух сторон.¹

В 1949 г. был найден еще один аналогичный документ. Он был поднят на городище Старая Ниса в обвале траншеи, вырытой при работах А. А. Марущенко на городище.²

К более ранним находкам такого рода следует отнести надпись на яйцевидном хуме, открытом в 1946 г. на городище Старая Ниса. М. Е. Массон пишет об этом хуме следующее: „Довольно четко выявляется яйцевидный тип парфянских хумов, среди которых один, выкопанный в 1946 г. в Старой Нисе, имеет сделанную тушью старопехлевийскую надпись, определяемую А. А. Фрейманом по палеографическим признакам как восходящую к «предсасанидской эпохе». Археоло-

¹ Дешифровка нисийских документов потребовала сотрудничества семитолога и ираниста, филолога и историка. Работа всех трех авторов происходила в тесном взаимодействии друг с другом и распределялась, в общих чертах, таким образом: установление чтения текста производилось совместно всеми тремя авторами; филологический комментарий к нему составлен И. М. Дьяконовым в семитологической части и В. А. Лившицем в иранистической; И. М. Дьяконову принадлежит составление автографических копий и таблицы письма, он же ответствен за раздел 6 работы; раздел 5 составлен В. А. Лившицем. Остальные разделы составлены в основном М. М. Дьяконовым.

Пользуемся случаем, чтобы выразить нашу благодарность проф. М. Е. Массону, руководителю Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, давшему нам возможность работать над нисийскими документами и предоставившему в наше распоряжение не только фотографии, но и самые оригиналы документов. Мы считаем также своим долгом выразить признательность чл.-корр. Академии Наук СССР проф. А. А. Фрейману за сделанные им ценные критические замечания к работе. Мы благодарим также проф. И. Н. Винникова и К. Б. Старкову за их ценные советы в области арамейской филологии и сотрудников рентгеновской и фотолaborатории Эрмитажа за их техническую помощь. Наконец, мы не можем не упомянуть добрым словом нашего товарища и учителя, покойного А. Я. Борисова, без трудов которого в научной и педагогической области эта работа не была бы написана.

² Сведения об обстоятельствах находки документов сообщены проф. М. Е. Массоном. См. также: М. Е. М а с с о н. Некоторые новые данные по истории Парфии. ВДИ, № 3, 1950, стр. 43.

гически хум относится к последнему периоду жизни нисийского курука, т. е. к концу II — началу III вв. н. э.¹

Авторы настоящей работы располагали лишь фотографией надписи на этом хуме, опубликованной в I томе Трудов ЮТАКЭ на стр. 50. Ввиду несовершенства оттиска клише в книге чтение этой надписи, кроме отдельных букв, невозможно.

В работе А. А. Фреймана „Хорезмийский язык“² упоминается еще один текст из Нисы: „Обломок глиняной чаши с надписью письменами, характер которых близок к письменам текста авроманского пергамента. . . сохранившаяся часть этой надписи — всего три слова. . . все, повидимому, идеограммы. . .“. В настоящее время этот документ находится в Ашхабадском музее.

Известен еще случай обнаружения на территории Туркмении надписей на черепках. В 1904 г. во время работ американской экспедиции Пампелли на городище Гяур-кала в Старом Мерве были обнаружены надписи на черепках и бараньих лопатках.³ Из числа изданных Пампелли надписей только одна, собственно говоря, относится к интересующему нас типу (шифр G. K. 10a, ук. соч., табл. 52). Три надписи (G. K. 11, 12, 13) сделаны на бараньих лопатках. Две из них были определены К. Г. Залеманом как пехлевийские, а третья (G. K. 12), по мнению В. В. Радлова, написана уйгурским алфавитом.⁴ Кроме того, в указанном сочинении на табл. 53, 2 помещено изображение небольшого черепка также с пехлевийской надписью.⁵

Относительно даты этих пехлевийских надписей в книге Пампелли, со слов К. Г. Залемана, приведены следующие соображения: „Это курсивное книжное письмо (в отличие от знаков на монетах и геммах). Сходное письмо встречается на некоторых серебряных чашах и хронологически неопределимо. Может быть, надписи восходят к девятому — одиннадцатому столетиям нашей эры, а возможно, они и еще моложе. С таким же успехом они могут оказаться столетия на два старше, но дата их не может быть уточнена“.⁶

Археологические работы последних лет в Средней Азии дали нам ряд исключительно ценных памятников письменности. Зарегистрированы надписи на самых разнообразных материалах: нанесенные чернилами или краской на пергаменте, бумаге, коже, дереве, черепках, на стенах зданий, вырезанные на глине, металле, камне. Иногда это целые архивы, подобные знаменитому архиву Диваштича начала VIII в., найденному на горе Муг в Таджикистане в 1932—1933 гг. (А. А. Фрейман), или же архиву хорезмшахов III в. из Топрак-калы (С. П. Толстов). Иногда это отдельные слова, вырезанные на глиняных или металлических сосудах или же на камне.

Иногда их язык ясен и определен вполне точно. Таковы арабские и китайские документы с горы Муг, согдийские документы оттуда же, хорезмийские из Топрак-калы, сирийские и уйгурские из Семиречья.⁷

¹ М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1950, стр. 50, 51, рис. 12.

² ЗИВ, т. VII, 1937, стр. 308.

³ R. Pumpelly (editor). Explorations in Turkestan, Expedition of 1904, т. I, стр. 197, 198, табл. 52, 53.

⁴ В 1948 г. археологом С. К. Кабановым во время его разведок в долине Кашкадарьи была обнаружена подобная же баранья лопатка с надписью.

⁵ Указанные предметы хранятся в Государственном Эрмитаже.

⁶ Ук. соч., стр. 198. Эти надписи остаются непрочитанными и должны явиться предметом специального исследования. Пехлевийский текст G. K. 10a не старше VI—VII вв. н. э., остальные, вероятно, более поздние.

⁷ Пришло уже время заняться регистрацией и составлением списка всех находок памятников письменности в Средней Азии. Такие находки исчисляются сейчас

Иногда же вопрос о языке надписи остается спорным (серебряная чаша с Мунчак-тепе и ряд других).

Письмо интересующих нас текстов из Нисы было определено М. Е. Массоном как арамейское. Вопрос о языке оставался открытым, но по археологическим данным тексты эти должны были быть отнесены к парфянскому времени и язык их мог оказаться парфянским.

Обломки глиняной посуды, так называемые „острака“, являются на всем Древнем Востоке обычнейшим материалом для всякого рода хозяйственных документов, писем, ученических работ и т. п.

Находка документов парфянского времени представляла большой научный интерес. До сих пор известно весьма ограниченное количество письменных документов того времени, а достоверно известные документы на парфянском языке насчитываются единицами.

К парфянскому времени и к территории Парфянского царства относятся греческие документы из Авромана и Дура-Европос, а также из Суз,¹ некоторые семитические и латинские надписи из Дура-Европос, небольшое число клинописных таблечек из Вавилонии. На парфянском языке написаны лишь документ III и приписка к документу I из Авромана,² а также почти нечитаемая надпись I в. н. э. (?) из Сарипуля близ Хольвана.³ Имеются также монеты парфянских царей с греческими, а начиная с I в. н. э. и с парфянскими надписями⁴ и монеты персидских царей, подчиненных Парфии, относящиеся к III—I вв. до н. э.⁵

Из документов на парфянском языке, но относящихся ко времени уже после гибели Парфянского царства, упомянем версию пахлавик ранних сасанидских надписей.⁶

уже десятками, если не сотнями. (Введение в научный обиход эпиграфических памятников Средней Азии с 1947 г. проводится по линии публикации Академией Наук СССР нумерованной серии сборников „Эпиграфика Востока“, выходящих под редакцией В. А. Крачковской. — *Ред.*).

¹ Письмо Артабана III городу Сузам см.: C. B. Welles. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. New Haven, 1934. Перечень греческих документов из Дура-Европос, из Суз и др. см.: M. Rostovtzeff a. C. B. Welles. *A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates*. Yale Classical Studies, II, 1931, стр. 33—34.

² Этим документам посвящено несколько статей. Лучший разбор см.: H. Nyberg. *The Pahlavi Documents from Avroman*. *Le Monde Oriental*, XVIII, 1923, стр. 182—230. Воспроизведение приписки к авроманскому документу I см. там же, табл. между стр. 208 и 209. Воспроизведение авроманского документа III — в первой публикации авроманских пергаментов: E. Minns. *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan*. *JHS*, XXXV, 1915, стр. 22—65; текст документа Авроман III на табл. III в конце книги. Другие попытки чтения авроманских документов, — все менее удачные, чем у Нюберга, — принадлежат Каули (A. Cowley. *The Pahlavi Document from Avroman*. *JRAS*, p. 2, 1919, стр. 147—154), Уивале (J. M. Unvala. *On the three parchments from Avroman in Kurdistan*. *BSOS*, vol. I, p. 4, 1920, стр. 125—144) и Херцфельду (E. Herzfeld. *Paikuli*. Berlin, 1924, p. 83).

³ J. de Morgan. *Mission scientifique en Perse*, IV. Paris, 1896, стр. 155; E. Herzfeld. *Paikuli*. Berlin, 1924, стр. 66. В числе арамейских документов начала III в. н. э., найденных в Ашшуре, имеется, возможно, один парфянский. В нем упоминается имя WHWMN = Vahuman (см. *Reallexicon der Assyriologie*, I, стр. 130).

⁴ См.: W. Wroth. *Catalogue of Greek Coins in the British Museum*. Parthia. London, 1903.

⁵ Allotte de la Fuye. *Étude sur la numismatique de la Perside*. *CNH*, стр. 63—97, табл. III.

⁶ E. Herzfeld. *Paikuli*. Berlin, 1924. Совсем недавно обнаружена надпись предпоследнего парфянского царя Артабана V, по языку и письму примыкающая к версии пахлавик сасанидских надписей. См.: R. Ghirshman. *Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en pehlvi arsacide*. *Monuments et mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres (Fondation Eugène Piot)*, т. XLIV, P., 1950, стр. 99.

Памятниками парфянского языка, подвергшимися значительной обработке персоязычных редакторов, являются два произведения, написанные книжно-пехлевийским письмом, — „Draxt ī asūrīk u buz“ („Спор пальмы и козы“)¹ и „Aβyāt-kār ī Zarērān“ („Память о Зарере“).²

Особняком стоят манихейские поэтические и прозаические тексты религиозного содержания на парфянском языке, найденные в Синьцзяне.³ Они относятся к гораздо более позднему времени, чем время существования Парфянской державы, но часть их написана на территории Хорасана, где парфянский язык был языком значительной части населения.

Таким образом, главным материалом для сравнения при изучении документов из Нисы являются парфянские тексты из Авромана. Монеты, как по специфическому характеру письма на них, так и по краткости легенд, не могут оказать здесь существенной помощи.

2. Описание документов

При работе над текстами из Нисы авторы располагали сначала хорошими фотографиями, сделанными фотографом ЮТАКЭ Е. Н. Юдицким, с текстов I, II, IIIa, IIIb, IV, V и VI, а затем и всеми семью подлинными черепками. Очень большую помощь в дешифровке оказали превосходные фотографии с оригиналов, изготовленные в фотолаборатории Государственного Эрмитажа А. П. Булгаковым и Г. В. Петуховым.

Все надписи, как уже упоминалось, сделаны на черепках от больших толстостенных сосудов-хумов, причем все черепки, кроме одного (I), — от сосудов, сделанных на гончарном круге. Внешняя поверхность черепков, как правило, покрыта светлым ангобом.

На черепках I, II, IV, V, VI надпись находится на лицевой (наружной) стороне, на черепке III — с обеих сторон, а на черепке VII (1949) — на оборотной (внутренней).

Все надписи нанесены на разбитые в древности черепки, причем выбирались, повидимому, фрагменты, наиболее удобные для письма как по форме, так и по состоянию поверхности. Однако на некоторых черепках есть повреждения, возникшие уже после того, как надписи были написаны.

Все надписи сделаны черной краской, основной составной частью которой, повидимому, была сажа.⁴

Черепок I (1948 г., Новая Ниса; рис. 1). Обломок большого сосуда, лепленного от руки, подтреугольной формы. Наибольшая длина 24 см; наибольшая ширина 14.7 см. Цвет черепка желтовато-серый. Внешняя поверхность покрыта светлосерой обмазкой.

Надпись расположена на внешней, выпуклой стороне черепка. Состоит из 9 строк. 63 различных знака. Цветность знаков сильно ослаблена. Поздних повреждений на черепке нет.

¹ Chr. Bartholomae. Zur Kenntnis der mitteliranischen Mundarten, IV. Heidelberg, 1922, стр. 23 и сл.; J. M. Unvala, BSOS, II, 1923, стр. 637—678; E. Benveniste. Le Texte du Draxt ī asūrīk et la versification pehlevie. JA, Octobre—Decembre, стр. 193—225.

² W. Geiger. Das Yāt-kār ī Zarērān und sein Verhältnis zum Šāh-nāme. Sitzungsber. der Münch. Akad., II, 1890, стр. 43—84; A. Pagliaro. Il testo pahlavico Ayāt-kār ī Zarērān. Rendiconti d. Accad. d. Lincei, 1925, стр. 550—604; E. Benveniste. Le Mémorial de Zarēr. JA, Avril—Juin, 1932, стр. 245—293 и др.

³ Основную публикацию парфянских манихейских текстов см.: F. Andreas u. W. Henning. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, III. SPAW, XXVII, 1934, стр. 848—912.

⁴ В ультрафиолетовых лучах краска не люминесцирует (опыт произведен Т. Н. Сильченко в рентгеновской лаборатории Государственного Эрмитажа).

Рис. 1. Черепок I. Новая Гиса. (Фотография).

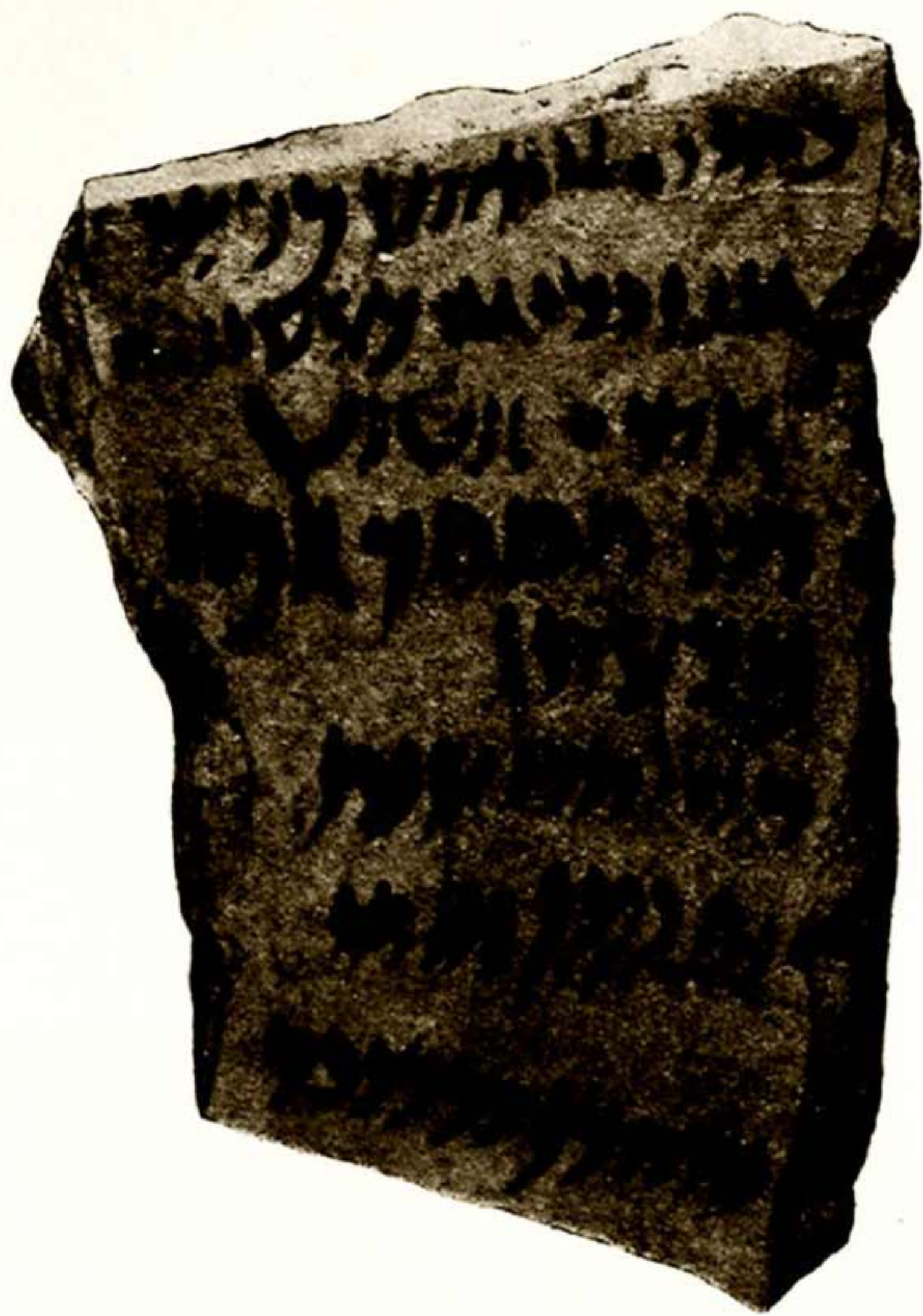

Рис. 2. Черепок II. Новая Ниса. (Фотография).

Рис. 3. Черепок III, внешняя сторона. Новая Ниса.
(Фотография).

Рис. 4. Черепок III, внутренняя сторона.
Новая Ниса. (Фотография).

Рис. 5. Черепок IV. Новая Ниса. (Фотография).

Рис. 6. Черепок V. Новая Ниса. (Фотография).

Рис. 7. Черепок VI. Новая Ниса. (Фотография).

Рис. 8. Черепок VII. Старая Ниса. (Фотография).

Черепок II (1948 г., Новая Ниса; рис. 2). Обломок большого сосуда, сделанного на гончарном круге, трапециевидной формы. Наибольшая длина 10.3 см; наибольшая ширина 7.5 см. Цвет черепка красноватый. Внешняя поверхность покрыта светложелтой обмазкой.

Надпись расположена на внешней, выпуклой стороне черепка. Состоит из 8 строк. 81 различимый знак. Сохранность знаков в большинстве случаев хорошая. К поздним повреждениям следует отнести небольшой скол на левом верхнем углу лицевой стороны.

Черепок III (1948 г., Новая Ниса; рис. 3 и 4). Обломок большого сосуда, сделанного на гончарном круге, трапециевидной формы. Наибольшая длина 16.8 см; наибольшая ширина 11 см. Цвет черепка розоватый. Внешняя поверхность покрыта светложелтой обмазкой.

Надписи имеются на обеих сторонах черепка. На внешней, выпуклой стороне (текст IIIa) надпись состоит из 7 строк. Повидимому, стерта или смыта в древности; остались лишь немногочисленные знаки, главным образом в правой части черепка. На внутренней, вогнутой стороне (текст IIIб) надпись состоит из 4 строк. Дальнейший текст, быть может, смыт, но, возможно, и не был дописан до конца. 36 различных знаков. Сохранность знаков хорошая в строках 1—3-й и посредственная в строке 4-й.¹

К поздним повреждениям следует отнести скол с правой стороны внутренней поверхности черепка, затронувший по одному-двум знакам во всех четырех строках текста.

Черепок IV (1948 г., Новая Ниса; рис. 5). Обломок большого сосуда, сделанного на гончарном круге. Имеет форму неправильного пятиугольника. Наибольшая длина (по диагонали) 17 см; наибольшая ширина 12.4 см. Цвет черепка красноватый. Внешняя поверхность покрыта светложелтой обмазкой, облупившейся в нижней части черепка. На черепке хорошо заметна поперечная углубленная борозда, идущая ниже 1-й строки надписи.

Надпись расположена на внешней, выпуклой поверхности черепка. Состоит из 4 строк. 31 различимый знак. Сохранность знаков удовлетворительная.

Верхняя часть черепка отбита и отсутствует. Сохранилась лишь заключительная часть надписи.

Черепок V (1948 г., Новая Ниса; рис. 6). Обломок большого сосуда, сделанного на гончарном круге, трапециевидной формы. Наибольшая длина 12.3 см; наибольшая ширина 15.4 см. Цвет черепка красноватый. Внешняя поверхность черепка покрыта светложелтой обмазкой.

Надпись расположена на внешней, выпуклой стороне черепка. Состоит из 5 строк. Сохранность знаков ниже средней, местами плохая, трудно точно установить первоначальное число знаков в надписи.

Поздние сколы в правой и нижней частях черепка, повредившие надпись.

Черепок VI (1948 г., Новая Ниса; рис. 7). Обломок большого сосуда, сделанного на гончарном круге, неправильной округлой формы. Диаметр 10.8 см. Черепок желто-розовый. На лицевой стороне желтоватая обмазка.

Надпись, представляющая палимпсест, расположена на внешней стороне черепка. Состоит из 6 строк. Знаки сильно смазаны в местах наложения на старый текст.

Имеет поздние обломы и повреждения по краям, сильно затронувшие текст надписи.

Черепок VII (1949 г., Старая Ниса; рис. 8). Обломок части плечиков большого сосуда, изготовленного на круге, трапециевидной формы. Наибольшая длина (по диагонали) 19.4 см; наибольшая ширина 17.5 см. Черепок розового цвета. Внешняя поверхность черепка покрыта светлой обмазкой.

Надпись расположена на внутренней, вогнутой стороне черепка. Состоит из 4 строк. Между 2-й и 3-й строками имеются следы неудачно начатой и замазанной строки, повторявшей, повидимому, текст 2-й строки. Содержит 76 различных знаков. Сохранность знаков хорошая.

Поздних повреждений на черепке незаметно, кроме тонкой трещины в верхней части, над 1-й строкой.

Таким образом, мы располагаем восемью текстами, написанными на семи черепках, причем по существу только три надписи сохранились в удовлетворительной степени и могли лечь в основу дешифровки (тексты I, II и VII). Однако и на других черепках сохранилось достаточно знаков для того, чтобы судить и о письме, и о языке текстов и уточнить чтение основных надписей.

¹ Этот текст воспроизведен в статье: М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии. ВДИ, № 3, 1950, стр. 54.

3. Письмо документов

Прежде всего необходимо было установить характер письма разбираемых документов и определить значение каждого знака.

При первом же взгляде на черепки можно с уверенностью сказать, что надписи на них сделаны разновидностью арамейского письма.

Известно, что это письмо получило в Азии широчайшее распространение и легло в основу ряда алфавитов. Повсеместное распространение в Азии и Египте арамейское письмо и сам арамейский язык как язык канцелярий получили в ахеменидское время. Повидимому, около IV—III в. до н. э. арамейское письмо стало широко применяться для ряда языков. Наиболее ранним примером применения этого письма для несемитических языков должна как будто бы считаться древнеперсидская надпись из Накши-Рустема, написанная арамейским алфавитом (V—IV в. до н. э.).¹

Наиболее древним памятником этого письма в Средней Азии является надпись на золотом перстне из так называемого „амударьинского клада“.² Эта надпись состоит из одного слова RḤŠN, читай Rōḫšān(ā), может быть, Роксана³ и, очевидно, как это обычно для надписей подобного рода, является именем владельца или владелицы — возможно, знатной бактриянки, тезки знаменитой жены Александра. Изображение на перстне по стилистическим особенностям могло бы быть отнесено к IV, может быть, к III в. до н. э.; форма щитка характерна для печатей IV—II вв. до н. э. Форма знаков весьма близка — если учесть разницу материалов — к знакам нисийских документов. Надпись относится, вероятно, к III в. до н. э.

Близкой — по времени и по характеру знаков — к надписи на „амударьинском“ перстне следует считать пока непрочитанную надпись на бактрийской или парфянской чаше, хранящейся в Государственном Эрмитаже.⁴

Чаша относится, повидимому, к III—II вв. до н. э.; надпись могла быть нанесена и несколько позже.

В Средней Азии на основе арамейского письма были созданы согдийский, хорезмийский, а также другие алфавиты, о которых нельзя еще с уверенностью сказать, для какого языка они применялись (некоторые серии монет из Бухарского оазиса,⁵ надпись на серебряной чаше с Мунчак-тепе и пр.). Древнейшие памятники согдийской пись-

¹ E. Herzfeld. *Altpersische Inschriften*. Berlin, 1938, стр. 4, рис. 6. См. ниже, стр. 53.

² См.: O. Dalton. *The Treasure of the Oxus*. London, 1905, табл. XV. Вещи так называемого „амударьинского клада“, несомненно, не представляют собой действительного клада, а происходят из разновременных хищнических раскопок XIX в. на территории Восточной Бухары.

³ Чтение „Вахшу“, предлагаемое Херцфельдом (*Archaeologische Mitteilungen aus Iran*, VII, 1934, стр. 45), явно неприемлемо: если первая буква еще могла бы быть W, то последняя, бесспорно, N.

⁴ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 14. К IV—III вв. относятся также надписи некоторых монет из Средней Азии и Ирана; см.: G. F. Hill. *Catalogue of Greek Coins in the British Museum. Arabia, Mesopotamia and Persia*, табл. 28; E. Herzfeld. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, VII, рис. 45. Чтение этих монетных легенд, предложенное Херцфельдом, неудовлетворительно.

⁵ М. М. Явич. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите. Тр. Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, IV, 1947, стр. 205 и сл. Повидимому, это разновидность согдийского алфавита, применявшаяся в Бухарском оазисе.

менности относятся ко времени первых веков н. э.¹ Древнейшие хорезмийские документы следует, повидимому, отнести к III в. н. э.² В данной связи нам нет необходимости привлекать ни позднее курсивное согдийское письмо VII—VIII вв., ни, тем более, уйгурское.

Для суждения о письменности на арамейской основе, распространенной в Парфянской державе, у нас имеется чрезвычайно мало данных. Здесь прежде всего приходится привлекать уже упоминавшиеся авроманские пергаменты, а затем версию пахлавик ранних сасанидских надписей. Легенды на монетах парфянских царей, как уже упоминалось, дают очень мало. Как известно, отдельные знаки арамейского письма начинают появляться на монетах в царствование Вологеза I (51—77 гг. н. э.), а более или менее связные легенды — лишь в царствование Митридата IV (около 130 г. н. э.). Арамейские знаки монетных легенд даже не составляют полного алфавита.³ Больше материала дают легенды на монетах правителей Парса III—I вв. до н. э. Можно для сравнения привлечь и алфавиты арамейского происхождения, бывшие в употреблении на Кавказе,⁴ а также арамейско-пракритскую надпись Ашоки (III в. до н. э.).⁵

Алфавит документов из Нисы довольно архаичен по своему облику. Он не имеет никаких тенденций к курсивности, каждый знак пишется отдельно. В разных документах мы часто видим несколько различное написание одного и того же знака. Однако это вызвано разницей в почерках писцов, а не разницей в месте и времени. Все документы из Нисы написаны твердой, профессиональной рукой, рукой писца-специалиста, имеющего определенные навыки и выучку. Из известных нам образцов письма документов из Нисы, пожалуй, ближе

¹ Так называемые „старые согдийские письма“. Сейчас высказано мнение, что они относятся к началу IV в. (см.: W. Henning. *The Data of the Sogdian Ancient Letters*. BSOAS, XII, 3—4, 1948, стр. 601—615). Древнейшим согдийским эпиграфическим памятником, найденным на территории Средней Азии, является, повидимому, надпись на черепке из Тали-Барзу, содержащая всего лишь одно слово (см.: А. А. Фрейман. Древнейшая согдийская надпись. ВДИ, № 3, 1939, стр. 135, 136). В связи с передатировкой слоя Тали-Барзу IV, в котором был найден упомянутый черепок, может быть, следует пересмотреть и вопрос о времени этой надписи (V—VI вв. н. э. ? — см.: А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXIII, 1950, стр. 161). Сравнительно ранней является, вероятно, и обнаруженная в Ладакхе, на границе Тибета и Кашмира, надпись-графито согдийского путешественника, шедшего из Самарканда в Индию (см.: F. W. K. Müller. SPAW, XXIII, 1925, стр. 371, 372; E. Benveniste. *Notes sogdiennes*. BSOS, IX, 3, 1938, стр. 502—505).

² Имеются в виду находки С. П. Толстова в Топрак-кала. Поскольку эти документы еще не расшифрованы и не опубликованы, о них нельзя иметь никакого суждения. Легенды на хорезмийских монетах относятся, повидимому, к более позднему времени (см.: С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 173 и сл.).

³ Буквы арамейских легенд на парфянских монетах III в. столь же искажены, как и буквы греческих легенд и, в сущности, отождествимы только в том случае, если по независимым данным известно, какое имя и титул ими выражены. (Палеографическая таблица, включающая 18 букв арамейского алфавита со многими вариантами их начертания, встречающимися в легендах парфянских монет, была составлена три четверти века назад русским нумизматом А. К. Марковым. См. его: *Les monnaies des rois parthes*. Seconde fascicule, Paris, 1877. — *Ред.*)

⁴ См.: W. Wroth. *Catalogue of Greek Coins in the British Museum*. Parthia. London, 1903; Allotte de la Fuye. *Étude sur la numismatique de la Perse*. CNH, стр. 63—97, табл. III. Об арамейской письменности на Кавказе см.: А. Я. Борисов. Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении. ВДИ, № 2, 1946, стр. 97—104 (к сожалению, в статье отсутствует воспроизведение надписей); Г. Церетели. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. Эпиграфика Востока, II, 1948, стр. 90 и сл. Нужно отметить, что как упомянутые кавказские, так и малоазийские надписи арамейским алфавитом V—II вв. до н. э. имеют мало общего с нашим материалом.

⁵ W. B. Henning. *The Aramaic Inscription of Asoka found in Lampāka*. BSOAS, XIII, 1, 1949, стр. 80—88.

всего стоит к письму авроманских документов (см. сравнительную таблицу алфавитов, рис. 9), однако несколько архаичнее этого последнего, а также к письму надписи из Сари-Пуля. Несмотря на свой, в общем, уставный характер, письмо авроманских документов, особенно письмо лучше изученного документа Авроман III, имеет некоторые тенденции к курсивности и лигатурам. Этот документ, как известно, датирован 300 г. В науке до сих пор идут еще споры о том, к какой эре относится эта дата.¹ Если принять, вместе с большинством исследователей, что это селевкидская эра, то дата документа Авроман III будет 11 г. до н. э.²

Общий облик письма документов из Нисы казался авторам еще до начала работ по расшифровке более архаичным. В некоторых чертах он даже сближается с арамейским канцелярским пошибом ахеменидского времени, известным нам из элефантинских и гермопольских папирусов и из древнеперсидской надписи арамейским письмом из Накши-Рустема (ср. таблицу, рис. 9). Мы считали поэтому возможным в качестве предварительной гипотезы датировать нисийские остраконы II—I вв. до н. э.

Некоторые знаки нисийских документов определились сразу и не вызывали никаких сомнений.

Прежде всего это был *алеф* ('). Этот знак встречался часто. Его можно легко увидеть в любом из документов.³ См., например, I 3/4, II 2/1, IIIa 2/1, IIIб 2/3, IV 3/последний знак, V 2/1, VI 3/6, VII 1/5, VII 1/14. Его форма своеобразна, точного соответствия этому знаку нельзя найти ни в одном алфавите, однако сомнений в значении этой буквы не может быть. Учитывая разницу материала, нужно признать, что наиболее близок к нисийскому *алеф* некоторых монет Персиды II—I вв. до н. э. и парфянских монет II в. н. э. *Алеф* авроманских документов более курсивен, левая вертикальная черта там уже несколько наклонна и не примыкает вплотную к горизонтальной, а связывается с правой вертикальной (см. таблицу, рис. 9). Все же форма нисийского *алефа* близка и к авроманской, и к форме *алефа* аршакидских монет и ранних сасанидских надписей.

Почти столь же ясен *бет* (B) наших надписей. См., например, I 1/1, II 1/1, IIIa 1/1 и 2/2, IIIб 2/6, VII 1/1, VII 1/18, VII 4/14.

Этот знак имеется в нисийских документах в двух вариантах. Более архаичным и близким к исходной форме является знак *бет* в документе VII. Здесь он близок к *бету* монет из Парса III в. до н. э. и даже к *бету* элефантинских папирусов. Но формы, наиболее близкие к *бету* остальных нисийских документов, дает Авроман III.

Столь же несомненны знаки *вав* (W) (I 1/3, I 4/2, II 2/2, IIIб 1/2, IIIб 2/4, VII 1/3 и др.), *ламед* (L) (II 6/4, II 6/7, VII 3/4, VII 3/7 и др.), *мем* (M) (I 2/4, II 3/2, IIIa 1/8, IIIб 2/1, IV 1/2, VII 1/9, VII 2/1 и др.),

¹ Первый издатель документов из Авромана Эллис Миннс считал, что и греческие и пехлевийские документы датированы по селевкидской эре (см.: E. Minns, JHS, XXXV, 1915, стр. 33—38, 63—65. Такой же точки зрения придерживался Нюберг, первый ученый, давший удовлетворительное толкование тексту Авроман III. Однако некоторые специалисты высказывались и в пользу аршакидской эры. Подробности этой дискуссии см.: M. Rostovtzeff a. C. B. Welles. A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates. Yale Classical Studies, II, 1931.

² Аршакидская эра считалась, повидимому, с 1 нисана (март) 247 г. По аршакидской эре 300 г. = 53 г. н. э. См. ниже главу о датировке нисийских документов.

³ В дальнейшем черепки нумеруются римскими цифрами, строка и знак в строке даются в виде дроби, числитель которой обозначает строку, считая сверху, а знаменатель — знак в строке, считая справа. Таким образом, I 3/4 будет обозначать документ первый, строка третья, знак четвертый справа.

по форме чрезвычайно близкий к архаичным формам эфлантинских папирусов и надписи Накши-Рустем „б“, нун (N) (I 2/2, I 2/5, VII 1/10, VII 3/2 и др.), близкий к авроманскому, айин (') (особенно отчетливо

	Эфлантин папирусы V в. до н.э.	Накш-и-Рустем V-VI вв. до н.э.	Персидские монеты III в. до н.э.	Тексты из Нисы II в. до н.э.	Авроманский пергамент I в. до н.э.	Персидские монеты II-I в. до н.э.	Парфянские монеты I в. н.э.	Парфянские монеты II в. н.э.	Версия палирской мады III в. н.э.	Средневековые документы IV в. н.э.
'	х	х	у →	х	у	у х →	ш	ш ш	у	х
B	у	у	у у	у у	у	у		у	у	у
G	^	^	^	у?	у		у	у у	у	у
D	у	у?	у	у	у	у	у	у?	у	у
H	п	п	п	п	п п	п		п	п	
W	у	у	у	у	у у у	у у	у	у? у у	у	у
Z	у	у	у	у	у			у	у	у
H	п	п	п	п	п	п п			п	п
T	б									
J	у	у	у	у	у у	у	у	у у?	у	у
K	у	у	у	у	у у	у у	у	у у	у	у
L	л		л	л	л	л	л	л	л	л
M	м	м		м	м	м м	м	м м	м	м
N	н	н		н	н			н?	н	н
S	с	с			с				с	с
e	е			е						е
P	р		р	р	р	р	р		р	р
S	с	с?								с
K	к			к	к					
R	р	р р	р р	р	р	р р	р	р р	р	р
S	с	с	с	с	с	с с	с	с	с	с
T	т	т	т	т т	т т	т т т	т	т	т	т

Рис. 9. Таблица древних алфавитов Ирана и Средней Азии на арамейской основе.

VII 3/3, VII 3/6) и шин (S) (II 5/4, VII 3/8 и еще несколько раз). Знаки нун и шин весьма близки к авроманским.

Определение других знаков представило значительные затруднения. Прежде всего следует напомнить, что многие знаки арамейского письма весьма сходны по написанию. Так, вовсе не различаются *далет*

(D) и *resh* (R). Обе эти буквы чрезвычайно близки к *каф* (K), отличающаяся только несколько меньшей длиной вертикального штриха; *самек* (S) легко смешивается с *пе* (P) и *хет* (H), а также с *тав* (T) и *коф* (K). Были сомнения в определении буквы *йод* (Y), однако эту букву можно все же считать вполне определенно установленной, несмотря на наличие для нее в документах IIIб и IV своеобразных вариантов написания в исходе слова (см. IIIб 2/8, IIIб 3/9, IV 3/третий с конца). Окончательно установить форму этих букв в наших документах можно было, лишь начав расшифровку и установив значение того или иного слова. Однако предварительные соображения могли быть выставлены. Так, I 1/2, IIIб 1/1 были определены как H или H, что и оказалось впоследствии правильным.

Некоторые знаки (например II 7/начало строки, IIIб 4/конец строки, VII 2/конец строки, VII 3/конец строки) были определены нами еще до расшифровки текста как цифры. Подробнее о цифрах и способах выражения в этом письме различных чисел будет сказано ниже, в разделе 7.

Таким образом, нам удалось при предварительном ознакомлении с документами установить чтение многих букв, высказать предположения о возможном чтении остальных и распознать, что отдельные знаки являются цифрами. Чтение знаков было уточнено при расшифровке (см. сравнительную таблицу, рис. 9).

Несомненным было также, что данное арамейское письмо ближе всего из известных нам образцов письма стоит к авроманским пергаментам, но отличается большей архаичностью, как это указывалось выше. Это, равно как и отсутствие в тексте ряда характерных букв, давало основание предполагать, что мы при расшифровке столкнемся с какой-то разновидностью пехлевийского письма.

Эта письменность употреблялась, очевидно, для какого-то языка иранской группы, судя по месту находки документов, — скорее всего парфянского.

4. Чтение документов

Текст I (рис. 10, стр. 33)

Текст, первоначально легший в основу расшифровки:
 1 BHWTH 2 ZNHMN 3 KRM' 4 'WZBRY 5 HYNKBKNKRY 6 HMB... I...
 7 HN'LT 8 LŠNTIC 9 X[XX]III NYTY 9 R W' Š' [TN] MR/DWBR/K

BHWTH (ср. II 1/1—5: BHWТ'; III: BHWTH и т. д.). Общий облик этого слова, а также чередование последнего знака (') с H, характерное для ранних арамейских текстов, заставляют и его считать арамейским. Согласно нашему мнению, слово BHWТ' состоит из самостоятельного предлога B- (bə-) 'в', 'при', 'при помощи' и именного образования HWT' от корня HWH, что в усилительной породе „па“ил“ означает 'объявлять', 'показывать', 'указывать', затем также 'приказывать'.

Данное именное образование в этой форме в существующих арамейских текстах и в числе идеограмм в сасанидской пехлевийской письменности не встречается;¹ тем не менее, сама форма является

¹ Арамейский корень HWH (в основной породе) употребляется в сасанидско-пехлевийской письменности как идеограмма и соответствует среднеперсидскому глаголу dān- 'знать' (см. Frahang-i Pahlavik, XXIII, 5). Парфянская форма этого глагола zān- (инфинитив zānādan) засвидетельствована в фонетическом написании

вполне возможной для имени абстрактного. Правда, для корней с третьим „слабым“ согласным в этих именах, образуемых от производных пород, обычно восстановление „слабого“ согласного в конце корня (например 'aḥ^hwāyūt^hā 'обнаружение', 'толкование' — имя действия в породе „аф'эл“ от того же корня НВН; Кн. Дан., V, 12). Однако имеются случаи и без восстановления этого согласного, по крайней мере, для форм, образованных от основной породы или от параллельной именной основы, например ṣəb^hū, определенное состояние *ṣəb^hūt^hā 'желание' от корня ṢB'; rəb^hū, определенное состояние *rəb^hūt^hā 'величие' от корня RBH (?). Поэтому *ḥ^hwūt^hā (менее вероятно — *ḥawwūt^hā) — вполне допустимая форма имени абстрактного от корня НВН со значением 'то, с чем знакомятся', 'то, что показывают', 'предъявляют'; 'уведомление', 'объявление' или же 'приказание'.

Несомненно, мы имеем здесь дело с каким-то техническим термином, обозначающим данный вид документа, как это будет видно из дальнейшего. Какой перевод здесь выбрать — зависит от общего содержания документов.

Вариант Н вместо Н имеет ряд аналогий в письменностях этого типа.

Арамейский предлог bə- в иранских текстах до настоящего времени был засвидетельствован в версии пахлавик сасанидских надписей как идеограмма для предлога andar 'в' (соответствует идеограмме ВУН — араб. 'среди', 'между' — в книжных среднеперсидских текстах), а также в составных идеограммах типа В'ТR (ир. ras 'за', 'после') в сасанидско-пехлевийских надписях,¹ ВNṢH (ир. x'at 'сам') в книжном среднеперсидском, где В- в иранском эквиваленте не имеет самостоятельного значения. Однако, имея ввиду установленный уже раньше факт расхождения в употреблении идеограмм в раннепарфянской и сасанидской системах письма, ничто не препятствует допустить возможность употребления в ранних парфянских текстах арамейского В- также для передачи предлога rat взамен обычной и в более поздних памятниках идеограммы РWN. Напротив, в этих ранних текстах идеограммы РWN и не следует ожидать, так как, какова бы ни была ее этимология, она, очевидно, относится к более позднему слою идеограмм, восходящему к восточноарамейскому диалекту, вероятно II—III вв. н. э., согласно неопубликованной классификации идеограмм А. Я. Борисова. Семитское bə- по смыслу совпадает с иранским rat во всех значениях последнего ('в', 'по', 'на', 'посредством'). Так, например,

в парфянских манихейских текстах (Z'N-, Z'N'DN). Имя со значением 'уведомление', 'извещение (о получении)' от этого корня могло бы иметь форму *ratzānāk. Однако производные арамейские формы от какого-либо глагола вряд ли обязательно являлись идеограммой для иранского деривата от глагола, идеограмматически выраженного этим арамейским глаголом.

Значение 'знать' для корня НВН в староарамейских диалектах, вообще говоря, не засвидетельствовано. Однако Шедер обращает внимание на два места в эфантинских папирусах, где корень НВН, повидимому, действительно имеет необычные значения: 'осматривать', 'ознакомляться' и, может быть, 'знать' (Н. Н. Schaefer. *Iranische Beiträge*, I. *Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, Geisteswissenschaftliche Klasse*, 6. Jahrgang, H. 5, 1930, стр. 293 и сл.). Но Шедер не учитывает при этом, что употребленные в этом значении формы глагола НВН по своему смыслу уже не могут быть формами породы „па'ил“, но лишь основной породы („пе'ал“), поэтому его указание в полемике с Нюбергом (ук. соч., стр. 40, примеч. 1) на то, что в староарамейском нет породы „пе'ал“ от корня НВН, оказывается, по его же собственным данным, ошибочным.

¹ E. Herzfeld. *Paikuli*. Berlin, 1924, стр. 150, 151.

в среднеперсидском переводе христианских псалмов с сирийского раḏ (написание PWN) передает обычно сирийское бэ.¹

Pat — др.-ир. pati-, ср.-перс. и парфянское манихейское раḏ (написание rd, pt), н.-перс. bā. Как показывают армянские, греческие и сирийские заимствования из среднеперсидского и парфянского языков, переход t после гласного в звонкий спирант ḏ произошел не ранее IV—V вв. н. э.²

Дальнейшие несколько слов свободно читаются по-арамейски.

ZNH — ара́м. zēnā 'этот';³ очень распространенная в письменностях на арамейской основе идеограмма; ср.-перс. книжное ēn (ср.-перс. манихейский 'YN = ēn); в парфянском ему соответствовало местоимение im (парф. манихейский 'YM = im, др.-ир. ima-).⁴

MN — ара́м. min 'из'; не менее распространенная идеограмма для иранского предлога hač, ač (др.-ир. hača, более поздние формы, засвидетельствованные в манихейских текстах — в парф. až, в ср.-перс. az; др.-ир. č после гласных в сасанидскую эпоху дало z в ср.-перс., ž в парф.).

KRM' — ара́м. karmā 'виноградник'; встречается в авроманском документе III, 2 и 7 и соответствует парфянскому gaz (в греческой передаче авроманского документа Ia, 11 ραζ). KRM' употребляется как идеограмма для gaz и в книжном среднеперсидском.⁵ Парфянское чтение последних двух слов должно было быть hač gazē, где -ē — показатель косвенного падежа, восходящий к древнеиранской флексии родительного-дательного падежа -(a)hуа. Как показывают парфянские версии сасанидских надписей и затем парфянские манихейские тексты, парфянский язык в своем историческом развитии пережил морфологическую эволюцию, подобную той, которая произошла в персидском от его древнего состояния, зафиксированного ахеменидскими надписями, к среднеиранскому состоянию (среднеперсидский язык). Эта эволюция характеризуется, в числе других признаков, упрощением именной флексии до двух форм (прямого и косвенного падежей), слившихся, в свою очередь, позднее, в III—IV вв. н. э., в одну форму. Косвенный падеж (на -ē) еще ощущается в сасанидских надписях. Позднее в манихейской литературе и в сасанидских книжных текстах и среднеперсидский и парфянский языки имеют лишь одну форму имени, выражая падежные отношения с помощью предлогов и послелогов.

'WZBRY (ср. IIIa, 2/1—6 'BZBRY). По-арамейски это слово чтению не поддается. Судя по общей конструкции текста, оно должно являться определением к слову KRM' = razē. Конечный -Y = -ē, флексия косвенного падежа, зависящая от предлога MN: hač raz-ē 'WZBR-ē.

¹ F. Andreas u. K. Barr. Bruchstücke einer Pehlevi-Übersetzung der Psalmen. SPAW, 1933, № 94, 23; № 95, 10 и др.

² Н. Н ü b s c h m a n n. Persische Studien, 1895, стр. 189, 190. Ср. DTBKN (Dätbakān) в парфянском тексте авроманского документа III (Н. Nyberg. The Pahlavi Documents from Avroman. Le Monde Oriental, XVIII, 1923, стр. 192). Дельта в греческой передаче Δαδβαххуρхз объясняется частичной ассимиляцией последующему звонкому.

³ По-арамейски ожидалась бы, при согласовании со словом HWTN, форма ZH = zā 'эта'; но в западных среднеиранских языках грамматического рода не было, поэтому идеографически могла употребляться и форма ZNH.

⁴ Системой указательных местоимений, как показывают манихейские тексты, написанные без идеограмм, парфянский язык резко отличался от среднеперсидского:

Парф.	Перс.
im (др.-ир. ima-) 'этот'	ēn (др.-ир. *aina-)
hō (др.-ир. hau-) 'тот'	(h)ān (др.-ир. ana-)

⁵ Frahang-i Pahlavik, V, 1.

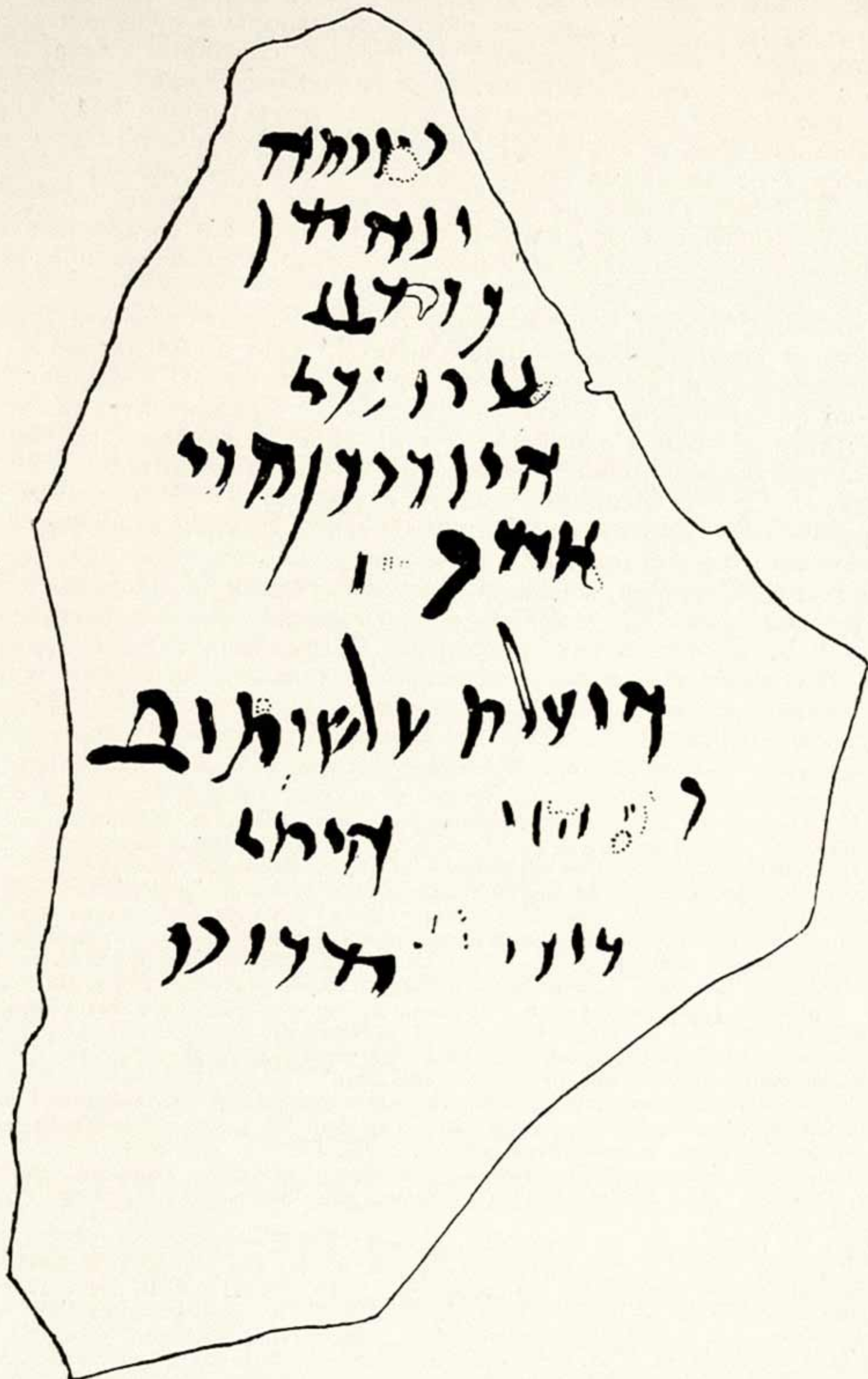

Рис. 10. Текст черепка I. (Прорисовка).

Это окончание в слове 'WZBRY' подкрепляет и чтение идеограммы KRM' как gazē с конечным -ē.

'WZBR||'BZBR, рассматриваемое как иранское слово, является, очевидно, словом составным. Во второй его части можно видеть глагольную основу bar- 'нести', широко распространенную в иранских языках в глагольных и именных формах.¹ В составе сложного слова, сочетаясь с именем существительным, имеет значение 'несущий'. В 'WZ||'BZ мы видим форму с префиксом ā-, параллельную имени bāž 'подать' (отглагольное имя от корня baǰ- 'наделять', 'распределять'). Сочетания префикса ā- с именными и глагольными основами засвидетельствованы в иранских языках на всех ступенях их исторического развития.² В среднеперсидских, парфянских манихейских и согдийских текстах встречаются параллельные формы некоторых имен — с префиксом ā- и без него.³

Слово bāž 'подать' хорошо известно в иранских языках. Ему соответствует древнеперсидское bāži- 'подать'.⁴ Оно представлено в среднеперсидском и в новоперсидском преимущественно в формах bāž, bāǰ — по фонетическому облику парфянских.⁵ Армянский язык располагает этим словом и сложными с ним, заимствованными из парфянского в аршакидское время.⁶ Косвенным образом известно было это слово и грекам. Ср. у Исидора Харакского: βαζυραβαν ὁ ἐστὶ τελώνιον, где βαζυραβαν явно складывается из *bāži + grb 'брать'.⁷ Наконец, слово это отмечено и в согдийском.⁸

Форма 'WZ = ābāž-, обычная, как мы увидим, в нисийских текстах (только раз 'BZ = ābāž-) и возводимая нами к глагольному корню baǰ-, осложненному префиксом ā-, указывает на спирантизацию в произношении b после гласного — явление, известное в иранских языках еще по крайней мере с аршакидской эпохи. Фонетическое написание (через W) вместо исторического (через B) имеет аналогии в наших текстах (ср. VII 4/6). Совершенно необязательно счи-

¹ См., например, в древнеперсидском vaθrabara, takabarā, arštibara, asabāra, A. Meillet—E. Benveniste. Grammaire du vieux-perse. Paris, 1931, § 289.

² Первоначальное значение префикса — 'к' (приближение к чему-либо).

³ Ср. ср.-перс. āmārkar 'чиновник казначейства' при mar- 'счет', 'раз' (E. Herzfeld. Paikuli. Berlin, 1924, стр. 130). Этот термин соответствует парф. āhmārkar, ср. hmar- 'считать', и др.-перс. *hamārakara, засвидетельствованное эфептинскими папирусами в форме HMKKR- (F. Perles, OLZ, 1911, стб. 498 и сл.; H. H. Schaefer. Iranische Beiträge, I, стр. 66) и имеющее то же значение. Последняя форма этого термина существовала и в парфянском, о чем свидетельствует армянск. hamarkar.

⁴ Бехистун, I, стк. 19: manā bandakā āha^{ntā} manā bāžim abara^{ntā} 'они [провинции] были моими рабами, мне приносили они дань'.

⁵ В среднеперсидских турфанских текстах и в новоперсидском языке встречается и юго-западная форма этого слова — bāz (см.: W. Lentz. Die nordiranischen Elemente in der neupersischen Literatursprache. ZII, IV, стр. 282, 283).

⁶ Слова baž 'пошлина', 'возмещение'; bažapan 'сборщик пошлины' и др. Ср. таалм. bāzəb^han. (H. Hübschmann. Armenische Grammatik, I. Leipzig, 1895, стр. 114, 115).

⁷ A. Meillet—E. Benveniste, ук. соч., § 127, стр. 75.

⁸ В тексте 26 A 4 с горы Муг, изданном А. А. Фрейманом (Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, Тр. ИВАН, XVII, стр. 137—165): MN pñcy knčč β'žkr'm ZY MN n'β kw tr'ñ ZY βyy 'От пенджикентского β'žkr'm и от народа тархану и государю' (перевод А. А. Фреймана, ук. соч., стр. 153, 154; β'ž-kr'm, как указывает А. А. Фрейман, засвидетельствовано в согдийских „старых письмах“ (H. Reichelt. Die sogdischen Handschriftenreste des Britishen Museums, II Teil, Die nicht-buddhistischen Texte. Berlin, 1931, письмо 1, стк. 4). По А. А. Фрейману, β'žkr'm, от имени которого посылается письмо тархану, — „должностное лицо, имеющее отношение к денежным делам“, по форме — сложное слово. Ср. эламск. ba-ši-ka₄-ra < др.-перс. *bāžikara 'сборщик податей, откупщик' (G. G. Cameron. The Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948, № 41, и табл. 3).

тать, что писцы Нисы придерживались исторической орфографии. Таким образом, ничто, кажется, не препятствует чтению $\bar{a}\beta\bar{a}z\bar{b}ar$ 'не сущий подать', 'податной'; $ha\check{s} raz\bar{e} \bar{a}\beta\bar{a}z\bar{b}ar\bar{e}$ 'из податного виноградника'.

Менее вероятным кажется нам чтение $uzbar$ 'приносящий (подать)'² или 'доходный' (приставка $uz + bar$), поскольку в тексте IIIа ясно $\bar{B}Z\bar{B}R\bar{Y}$.

Порядок слов в синтагме — обычный в языках западноиранской группы: определение следует после определяемого.

Если до сих пор можно было сомневаться в том, написаны ли нисейские документы на арамейском или местном языке, то из вышеизложенного становится ясно, что арамейские слова этих текстов являются лишь идеограммами, как это было принято в парфянской, среднеперсидской, отчасти согдийской и других среднеазиатских письменностях, а также, возможно, в Грузии и Армении.³

НУ — иранское $h\bar{e}$. В тексте II 7/7—8 ему соответствует в таком же контексте $\bar{Y} = \bar{e}$, что можно возвести к древнеиранскому относительно-указательному местоимению ya ($\bar{e} < *yahya$). В таком случае НУ в тексте I можно объяснить скорее всего отражением в написании произношения местоимения \bar{e} с придыханием (ср. в надписях на монетах из Парса III в. до н. э. $HRT\check{H}\check{S}TR$ для известного имени $Artax\check{s}a\check{\theta}ra$ — Артаксеркс и в надписях на более поздних парфянских монетах $HRT\bar{B}N$ для имени $Arta\beta\bar{a}n$.⁴ Возможна также контаминация с другим древнеиранским местоимением, засвидетельствованным в ахеменидских надписях — hya 'тот, который'.

В парфянских версиях сасанидских надписей и в парфянских манихейских текстах в качестве относительного местоимения, соответствующего среднеперсидскому $iza\check{f}etu$, выступает обычно $\check{s}\bar{e}$.⁵ Однако можно допустить существование в парфянском говоре района Нисы и другой формы относительного-указательного местоимения, широко представленной в иранских языках.

Как будет видно ниже, перевод начальных знаков данной строки как относительного-указательного местоимения подсказывается контекстом.

$NKBKN$ — предположительно имя собственное виноградника. Для именного образования сравни название виноградника $D\bar{a}t\bar{b}ak\bar{a}n$ в авроманских документах.

KRY — арам. $\check{k}ar\bar{e}$, пассивное причастие глагола KR 'звать', 'читать'. Сравни $DTBKN KRY KRM$ в авроманском документе III, 2⁶ и в греческой передаче той же парфянской формулы $\tau\eta\nu \epsilon\pi\omicron\nu\omicron\mu\alpha\zeta\omicron\mu\epsilon\nu\eta\nu \Delta\alpha\delta\beta\alpha\chi\alpha\nu\rho\acute{\alpha}\varsigma$ (Авроман Ia, 11) и $\tau\eta\nu \epsilon\pi\iota\chi\alpha\lambda\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\eta\nu \Delta\alpha\delta\beta\alpha\chi\alpha\beta\alpha\gamma$ (Авроман

¹ Вполне нормальным для столь раннего времени следует считать написание \check{z} через z , так как переход $\check{s} > \check{z}$, вызвавший передачу \check{z} через $zade$ (\check{S}), ранее использовавшееся для \check{s} , еще не произошел.

² Ср. эламск. $u-is-bar-na <$ др.-перс. $*uzbarna$ 'приносящий', 'доставщик' (G. G. Cameron. *The Persepolis Treasury Tablets* Chicago, 1948, № 12).

³ Г. В. Церетели. Армазская билингва. Тбилиси, 1941, стр. 41—45; А. Я. Борисов. Надписи Артаксия. ВДИ, № 2, 1946, стр. 102, 103.

⁴ Allotte de la Fu\`ye. *Études sur la Numismatique de la Perside*. CNH, стр. 272, табл. III; W. Wroth. *Catalogue of Greek Coins in the British Museum. Parthia*. London, 1903, стр. 272; (читай: $HRT\bar{B}N$, а не $HRT\bar{B}Y$, как у Роча).

⁵ Трижды в версиях пахлавик сасанидских надписей вместо идеограммы для $\check{s}\bar{e}$ употреблена идеограмма ZY , относящаяся к первому западноарамейскому слою и обычно передающая среднеперсидский $iza\check{f}et$.

⁶ Обратная конструкция в нашем документе, с KRY на конце, и вызывает необходимость в относительном-указательном местоимении.

IIa, 6—7). Все эти формулы, содержащие причастие KRY или соответствующие греческие причастия, несомненно, передают оборот с иранским x^vānt-, также причастного происхождения. Глагол KR' употребляется как идеограмма в книжном среднеперсидском для передачи глагола x^vāndan,¹ имеющего сверх обычных и для арамейского KR' значений 'звать', 'читать' также значение 'называть'. В парфянском соответствующая форма должна звучать vxānt (ср. др.-ир. xvata- 'сам', парфянское манихейское vxa^o).²

НМВ (последний знак расплылся и не вполне надежно читается).³ Варианты: II 3/1—2, VI 4/1—2, VII 2/10—11 НМ-, II 4/7—8 и IV 1/1—2 НМ). Предположительно иранское xumb (авест. xumba-,⁴ парф. манихейское XWMB = xumb, н.-перс. xumb || xumm || xum) 'хум', большой сосуд для хранения вина, масла, зерна и т. п. Здесь, вероятно, в значении меры емкости.

Следует сильно стертая цифра, от которой сохранилась одна единица.

HN^oLT — совершенно бесспорно — хорошо известное арамейское слово han^oālūt^h, сопряженное состояние имени действия от каузативной породы „хаф'эл“ глагола 'LL, означающего в основной породе 'входить', а в данной породе — 'вводить', 'вносить'; имя действия, следовательно, может означать 'взнос'. Как и в случае с термином НWTH, считаем нецелесообразным высказывать догадки о возможном парфянском эквиваленте, поскольку в других текстах эта идеограмма нам не встречалась.

'L — обычный арамейский предлог 'al 'на'. Распространенная в пехлевийской письменности идеограмма для иранского предлога avi, более позднего o 'к', 'на'.

ŠNT — сопряженное состояние šənat^h арамейского слова šattā 'год'. Обычная идеограмма для иранского sard (др.-ир. sarda-, более поздняя форма в персидском sāl). Группа -rd-, как показывают манихейские тексты, характерна для парфянского языка, в противовес -l- в среднеперсидском (парф. zird, ср.-перс. dil 'сердце'). В парфянских манихейских текстах, наряду с sard, встречается и форма sār (S'R).

Следует дата 1[3]4 (?), выраженная цифрами (о системе счисления см. ниже, в разделе 7). Цифра десятков восстанавливается предположительно на основании величины пространства между сохранившимся знаком для первого десятка и знаками единиц.

HYTY — по видимому haytī — совершенный вид, третье лицо единственного числа мужского рода каузативной породы „хаф'эл“ от глагола 'T, означающего в основной породе 'пойти', а в данной породе — 'приводить', 'доставлять'. Этот глагол в породе „хаф'эл“ в этой же форме встречается в сасанидских надписях, а в форме несовершенного вида — в книжном среднеперсидском как идеограмма для иранских глаголов āβurtan и ānītan 'приносить', 'приводить'.⁵ В наших текстах предпочтительнее āβurt. Возможно было бы здесь видеть

¹ C. Salemann. Grundriss der Iranischen Philologie. Bd. I, Abt. 1, Strassburg, 1895, стр. 299.

² Чтение соответственного места в документе Авроман III должно быть также Dātbakān vxānt raz (а не *D. nām raz, как у Нюберга); ср.: H. H. Schaefer. Iranische Beiträge, I, стр. 37.

³ Другое возможное чтение см. ниже, примеч. 1 к стр. 42.

⁴ Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1902, стр. 532.

⁵ E. Herzfeld. Paikuli. Berlin, 1924, стр. 189.

также повелительную форму от того же глагола, в том же арамейском чтении *haytī* (ир. *āḥur* или *ānau*). Отсутствие иранского окончания при идеограмме может означать либо, что мы имеем здесь повелительную форму, либо, — и это более вероятно, — что в нашем тексте мы имеем дело с тем периодом развития пехлевийской письменности, когда идеограммы не снабжались иранскими морфологическими показателями (ср. Авроман III, 1: MZBNW, и III, 3: ZBNW, с несоответствием арамейской формы числа иранской — парф. **fravaxšēt*, **xrinēt*).

Предположение о том, что мы имеем здесь арамейский перфект, соответствующий иранскому прошедшему времени, подтверждается и общим содержанием текста. Если видеть здесь повелительную форму, то придется понимать наш документ как приказание о доставке подати. Но крайне мало вероятно, чтобы такие приказания издавались и рассылались каждому винограднику отдельно.

Иное дело, если речь здесь идет не о подати, а о простом сборе вина с казенных виноградников. В этом случае мы могли бы видеть в нашем документе и приказ, но, во-первых, ожидалось бы упоминание адресата приказа, а во-вторых, понимание *W/BZ*- как 'подать', как уже указывалось, кажется нам наиболее вероятным.

Глагол, повидимому, употреблен здесь безлично. Аршакидские версии сасанидских надписей и парфянские манихейские тексты показывают, что в парфянском языке, подобно среднеперсидскому, древняя причастная форма прошедшего времени (на *-ta*) употреблялась для выражения прошедшего времени переходных глаголов без личных окончаний. Поэтому форма *HYTY* равна форме *āḥurt*, которая может выражать любое лицо и число.

Приведенные соображения о значении формы *HYTY* позволяют определить и техническое значение слова *HWTH*. Значением этого слова может быть, исходя из общего содержания текста, скорее всего, 'расписка' (букв. 'уведомление' или 'то, что предъявляют').¹

RW^rŠ^r[TN] (?) — имя собственное, предположительно восстанавливается по остаткам знаков здесь и в документе IIIa, 4. В нашем документе ясно видна буква *R*, нижняя часть буквы *Š* и слабые (не прорисованные на автографии) следы *T*; в документе IIIa, 4 — следы двух букв в начале, затем ясно *Š* и *T*, и в конце, повидимому, *N*. Читай *Rōštan* (*rōš-* из др.-ир. *rauxš-* 'свет' и *tan* < *tanu-* 'тело')?

MR/DWBR/K (ср. II 8/6—10 и VII 4/10—14; соблазнительное чтение **MRZBN* 'марзбан' невозможно)² — звание.

Ввиду совпадения знаков *R* и *D* в пошибах этого типа, а также сходства между *R* и *K*, в чтении этого звания у нас нет полной уверенности. Возможны следующие чтения.

1) *māgubar*. Чтение предложено нам А. А. Фрейманом. Это слово можно этимологизировать как иранское сложное слово, первая часть которого представляет известное в иранских языках имя существительное *mag-* 'счет', 'раз' (ср. глагольные корни *hmag-*, *xšmag-* 'считать' и т. п.). *W* может быть сочтен за соединительный гласный, отражающий реальное произношение сложного слова; *-bar* представляет собой уже знакомую нам глагольную основу 'нести'; *magubar* могло бы озна-

¹ При ином понимании содержания текста возможно значение 'предъявление': 'по предъявлении этого'. Ср. выше примеч. 1 к стр. 30 для возможных значений этого корня (соответственно и его производных).

² Помимо графических соображений (в ряде вариантов последние три знака ясно *-WBR* или *-WBK*), это чтение невозможно и по соображениям истории языка (для этого времени ожидалась бы форма *magzrañ*, с *R*, а не с *B*).

чать 'несущий (или: ведущий) счет', 'счетовод'.¹ Правда, при этом чтении, по аналогии с $\bar{a}\beta\bar{a}\check{z} > 'WZ-$, мы должны были бы и здесь ожидать форму * $m\bar{a}r\bar{u}\beta ar$ с написанием *MRWWR (с натяжкой так можно было бы прочесть это слово в документе IV 4/4). Но сохранение В в написании элемента -bar- — в противоположность написанию слова $\bar{a}\beta\bar{a}\check{z}$ - через W— может быть объяснено тем, что второй элемент ощущался как самостоятельное слово, а потому мог не подчиняться изменению интервокального $b > \beta$.

2) $m\check{z}ruba\gamma$. При этом чтении второй элемент -ba γ (др.-ир. *bağa* 'бог') мог бы означать, как в согдийском, 'господин'.

Наиболее сомнительным моментом при этом чтении является написание конечного К (?) вместо ожидаемого Г.² Возможно, что здесь какая-либо местная орфографическая особенность. $M\check{z}ruba\gamma$ могло бы означать 'глава счета' (?).

3) $ma\check{d}ubar$. Первая часть этого слова могла бы быть $ma\check{d}$ 'вино' (др.-ир. *madu-*, ср.-перс. *maḍ*, *mau*). Значение 'носящий вино', 'виночерпий' хорошо согласовалось бы с содержанием текста, особенно, если понимать его не как расписку в получении подати, а как приказ о сборе вина с казенных виноградников.

Таким образом, получаем следующее чтение и перевод: $BHWTH$ ₁ ZNH MN ₂ KRM' ₃ $'wzbry$ ₄ hy $Nkbkn(?)$ KRY ₅ $xmb \dots I \dots$ ₆ $HN'LT$ $'L \check{S}NT$ ₇ IC ₈ $X[XX]$ III $HYTY$ ₉ R $\check{S}[TN]$ $mr/dwbr/k$.

pat $H\bar{W}T\bar{H}$ ₁ im $ha\check{c}$ ₂ $raz\bar{e}$ ₃ $\bar{a}\beta\bar{a}\check{z}bar\bar{e}$ ₄ $h\bar{e}$ $Nkbkn(?)$ $v\check{x}\bar{a}nt$ ₅ $xumb \dots I$ ₆ $HN'LT$ avi $sard$ $1_{8} 34$ $\bar{a}\beta urt$ ₉ $R\bar{o}\check{s}[tan]$ $marubar(?)$ (или $maruba\gamma$, $ma\check{d}ubar$).

¹ По расписке (?) ² этой из ³ виноградника ⁴ податного, ⁵ который $Nkbkn(?)$ называемый, ⁶ сосудов $\dots I$ ⁷⁻⁸ взнос на год 134, доставили (доставь). ⁹ Рош[тан], счетовод (?).

Текст II (рис. 11)

$BHW\check{T}'ZNH(?)M\check{N}KRM'$ ₁ $'WZBRY'YK\check{S}\check{S}YKRY$ ₂ $HM-$ III III / MN ₃ $H\check{T}PK$ HMI ₄ $NWR\check{S}T$ ₅ $HN'LT'L\check{S}NT$ ₆ $ICXXX$ ₇ $HYTY$ ₈ $WHWMN$ ₉ $MR/DWBR/K$

ZNH — написание сомнительно; лигатура, менее вероятно $ZH(?)$ (арамейское указательное местоимение женского рода $z\bar{a}$ 'эта').

' Y — вероятно, иранское относительно-указательное местоимение, см. I 5/1—2.

$K\check{S}\check{S}Y$ — имя собственное виноградника.

$HM-$, вариант к HMB в тексте I, представляет собой отражение в написании ассимиляции $-mb > -mm > -m$ (еще один случай неисторического написания). Подобная ассимиляция не связана, очевидно, с определенным периодом в развитии языка.

¹ Ср. ряд иранских званий с элементом -bar: эламск. *kān-ša-bar-ra* < др.-перс. **ga^hzabara* (G. G. Cameron. *The Persepolis Treasury Tablets*. Chicago, 1948, табл. 3) 'казначей'; ср.-перс. манихейское *ganzaβar* (W. Henning, *BSOS*, IX, 1937, стр. 83); ср.-перс. книжное *ganzaβar* (GNSWBR), араб. *gizbārā* 'казначей'; араб. *dāt^hāb^hārā* < др.-перс. *dātabarā* (Кн. Дан., III, 2) 'законник', 'судья' (K. Marti. *Kurzgefasste Grammatik der biblisch-aramäischen Sprache*. Berlin, 1891, стр. V) и мн. др. Ср. также примеч. 1 на стр. 34 и названия, связанные с *mar-* 'счет', *hmar-* 'считать': *āhmārkar* (парф.), *āmārkar* (ср.-перс.) 'чиновник казначейства', и др.

² Знак Г встречается на монетах III в. до н. э. и, может быть, имелся среди полустертых знаков 3-й строки в тексте IV (второй знак от начала?).

Черта перед и между цифрами встречается еще в текстах III, VI и VII (дважды).¹ После цифры 6, повидимому, — разделительный знак.

MN — известный уже из предыдущего арамейский предлог (=haš).

HTPK — повидимому, имя собственное местности.

NWRŠT может быть истолковано как иранское сложное слово pavrāšt 'новоизготовленное (вино)', из pav- (др.-ир. pava-) 'новый' и rāšt 'изготовленный', 'приготовленный' — по форме пассивное причастие перфекта от иранского глагольного корня rād-.² К значению парфянского rāšt 'приготовленный' ср. в среднеиранских и новоиранских языках: ārāstan, virāstan, pairāstan и т. д.

Rāšt в нисийских текстах с группой -št- свидетельствует более, чем что бы то ни было, о том, что наши тексты написаны на парфянском

Рис. 11. Текст черепка II. (Прорисовка).

языке: ср.-перс. -st- || парф.-št-, ср. в сасанидских надписях: версия парсик rāst, версия пахлавик rāšt 'правда'³ (др.-перс. rāsta- от глагольного корня raz-).

WHWMN — имя собственное Vahuman с прозрачной этимологией: vahu- 'благо' и mana- 'мысль'.

¹ Эта черта несколько напоминает цифру 10 в некоторых документах ахеменидского времени, но, имея в виду совсем иное написание десятки в документе Авроман III и др., такое объяснение данного знака кажется менее вероятным. См. ниже, стр. 56.

² Авест. rād- 'приготавливать', причастие rāsta- (С. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1902, стр. 1520). В среднеиранских и новоиранских языках широко представлены причастные по происхождению формы от этого глагола и от глагола raz- 'направлять'. Контаминация причастных форм этих двух корней, близких по значению, совершилась, повидимому, уже в среднеиранских языках. -RŠT могло бы явиться и написанием причастной формы от др.-ир. глагола raud- 'расти', однако вряд ли такое толкование подходит по смыслу.

³ E. Herzfeld. Paikuli. Berlin, 1924, стр. 239.

Чтение и перевод:

$\overline{1}$ pat HW[T' im] hač $\overline{2}$ razē $\overline{3}$ āβāžbarē ē Kššy $\overline{4}$ vxānt $\overline{5}$ xum- 6/ $\overline{4}$ hač Htpk
xum $\overline{1}$ $\overline{5}$ navrāšt $\overline{6}$ HN'LT $\overline{7}$ avi $\overline{8}$ sard $\overline{1}$ 140 $\overline{1}$ āβurt $\overline{8}$ Vahuman marubar (?).

$\overline{1}$ По расписке (?) этой из виноградника $\overline{2}$ податного, который Kššy (?)
называемый, $\overline{3}$ сосудов 6, $\overline{4}$ из (местности?) Htpk (?) сосуд $\overline{1}$ $\overline{5}$ (вина)
новоизготовленного, $\overline{6}$ взнос на год $\overline{7}$ 140 доставили. $\overline{8}$ Вахуман, счето-
вод (?).

Текст Ша (рис. 12)

Текст смыт или стерт, повидимому, еще в древности. Несмотря
на это, специальное фотографирование позволило прочесть значитель-
ную часть текста.

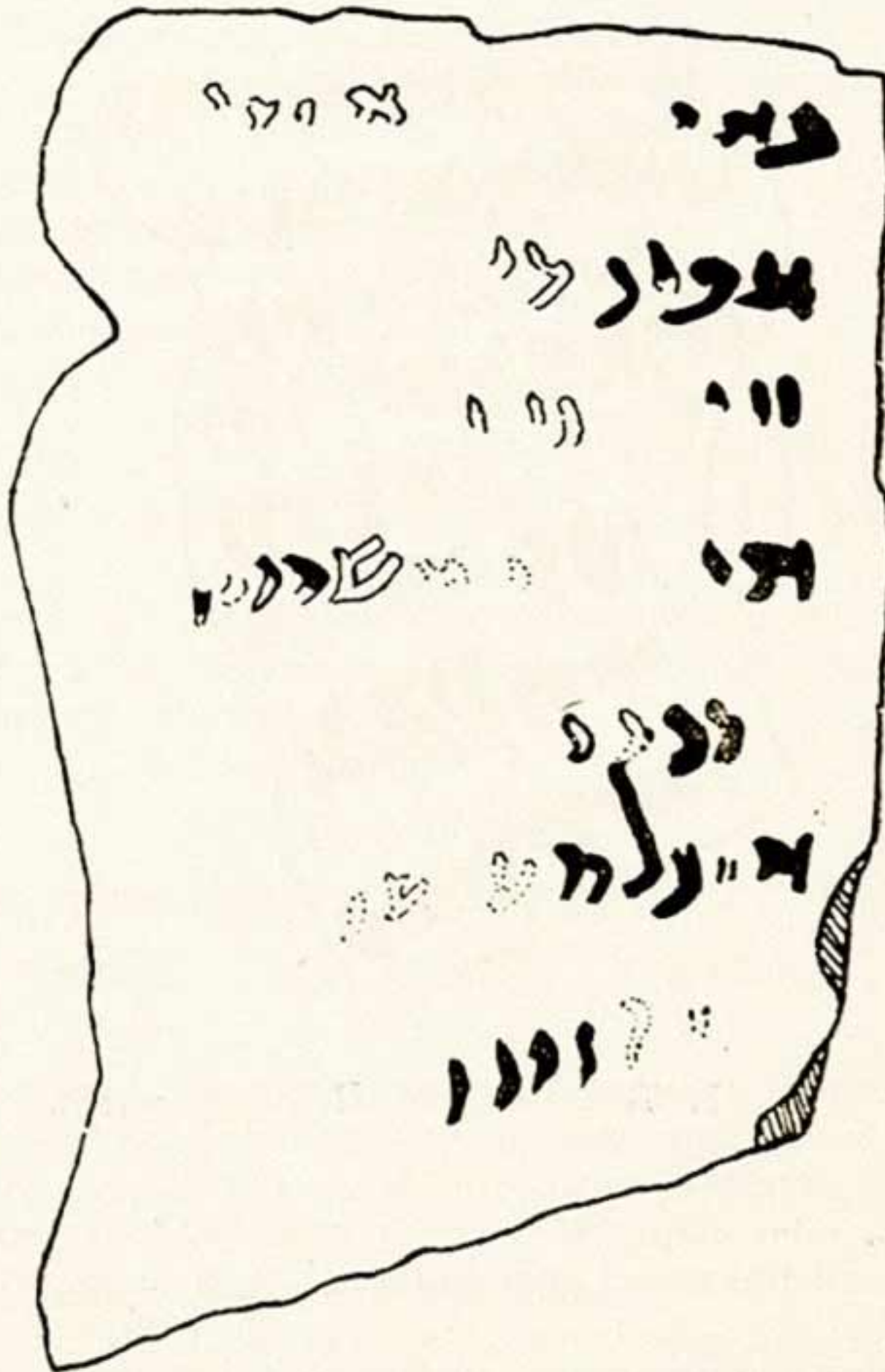

Рис. 12. Текст IIIa (внешняя сторона черепка III).
(Прорисовка).

$\overline{1}$ BH'W'[T'ZNH] 'MN KR'[M'] $\overline{2}$ 'BZBRY ['Y... KRY HM] $\overline{3}$ III[I] 'III'
 $\overline{4}$ HY[TY RW]ŠT[M'] $\overline{5}$ [M]R/DWBR/K $\overline{6}$ H'N'LT '[L] Š'N'[T I C] $\overline{7}$ 'X'[X]X
III

Чтение и перевод:

$\overline{1}$ pat HW[T' im] hač ra[zē] $\overline{2}$ ābāžbarē [ē... vxānt xum] $\overline{3}$ 3[+ x] $\overline{4}$ āβu[rt
Rō]štan (?) $\overline{5}$ marubar (?) $\overline{6}$ HN'LT [avi] sar[d] $\overline{1}$ $\overline{7}$ 34 (?).

¹ Менее вероятно 180; см. ниже, стр. 56 и сл.

¹ По расписке(?) этой] из виног[радника]₂ податного, [который... называемый, сосудов]₃ 3 + x₄ доста[вили. Ро]штан(?), ₅ [сч]етовод (?). ₆ Взнос [на] год 1₇ 34(?)¹.

Порядок изложения в этом документе, так же как в документе V, несколько отличается от других: указание на год, за который берется подать, идет после имени „счетовода“. Имя Rōstan восстанавливается предположительно; следы могли бы указывать и на чтение WHŠTN, но сравни имя в документе I от того же (?) года.

Текст Шб (рис. 13)

Совпадает по содержанию с текстом I, но недостает конца.

¹ B¹HWTHZNH MN₂[KR]M¹WZBRY₃[x]YNKBK¹RY₄[H]¹M¹ - III III

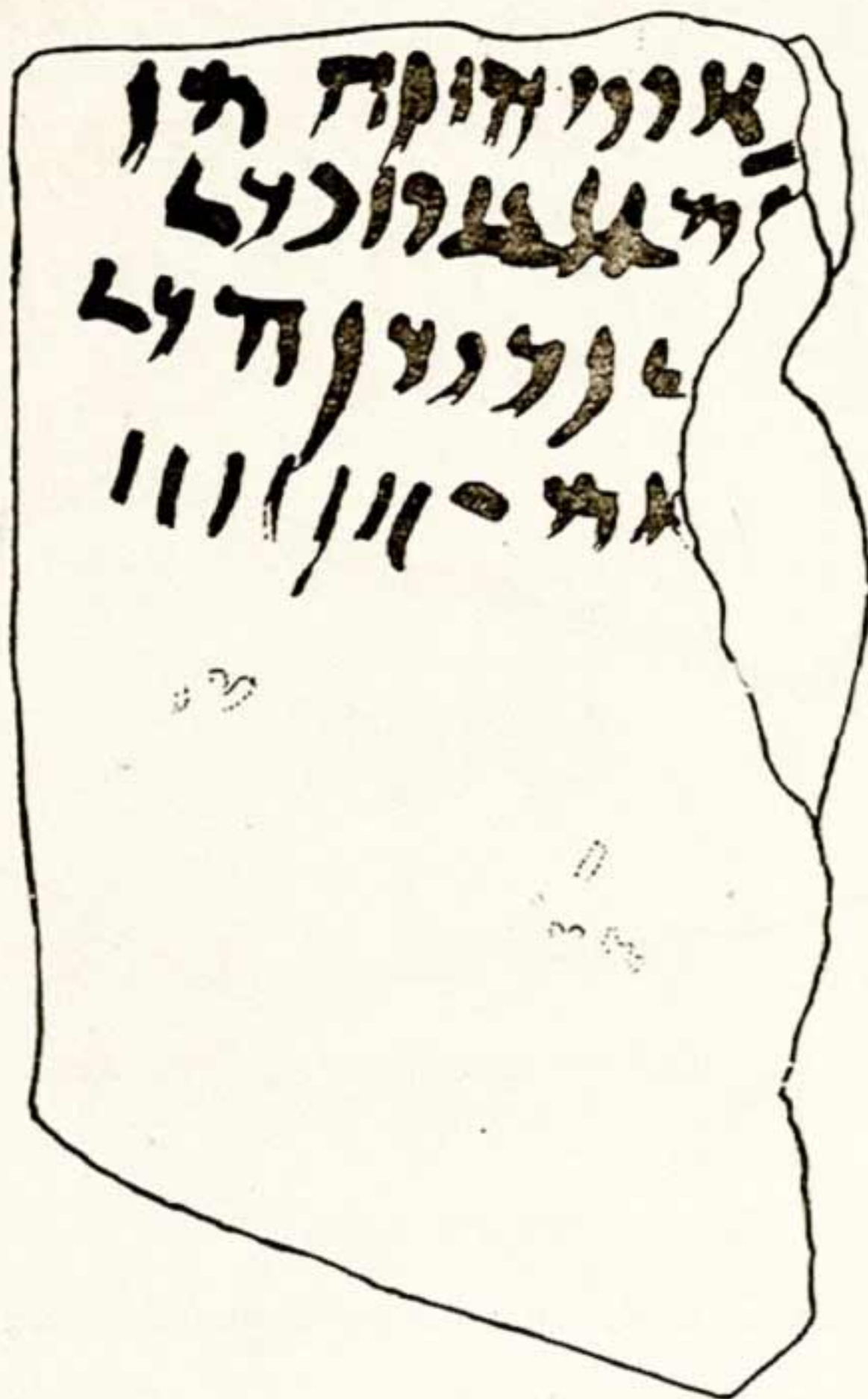

Рис. 13. Текст Шб (внутренняя сторона черепка III).
(Прорисовка).

Несколько сомнительно чтение знаков Шб 2/7 (Z или N?) и Шб 3/5 (B или W ?). Содержание совпадает с началом документа I, за исключением числа хумов (7, в документе I цифра стерта).

Чтение и перевод:

¹ [pat¹ HWTH im hač₂ [ra]zē āβāžbarē₃ ē Nkbkn (?) vxānt₄ [xum¹ - 7...]

¹ По расписке (?) этой из ₂ [виног]радника податного, ₃ который Nkbkn (?) называемый, ₄ сосудов 7¹...¹.

¹ Менее вероятно 17(?).

Текст IV (рис. 14)

Как уже указывалось выше, сохранилась только нижняя часть документа с датой, сохранившейся не полностью:

$x+1$ НМ [.....] $x+2$ НН'ЛТ'Л'Ш'НТ'І'С' [XXX] $x+3$ Ш Ш НУТУ D/R' [.....]
 $x+4$ MR/DWBR/K

К строке $x+1$: после слова НМ ясный прожег без следов каких-либо знаков.

К строке $x+3$: своеобразное написание знаков Н и конечного У; имя может читаться и Y' [.....] (?).

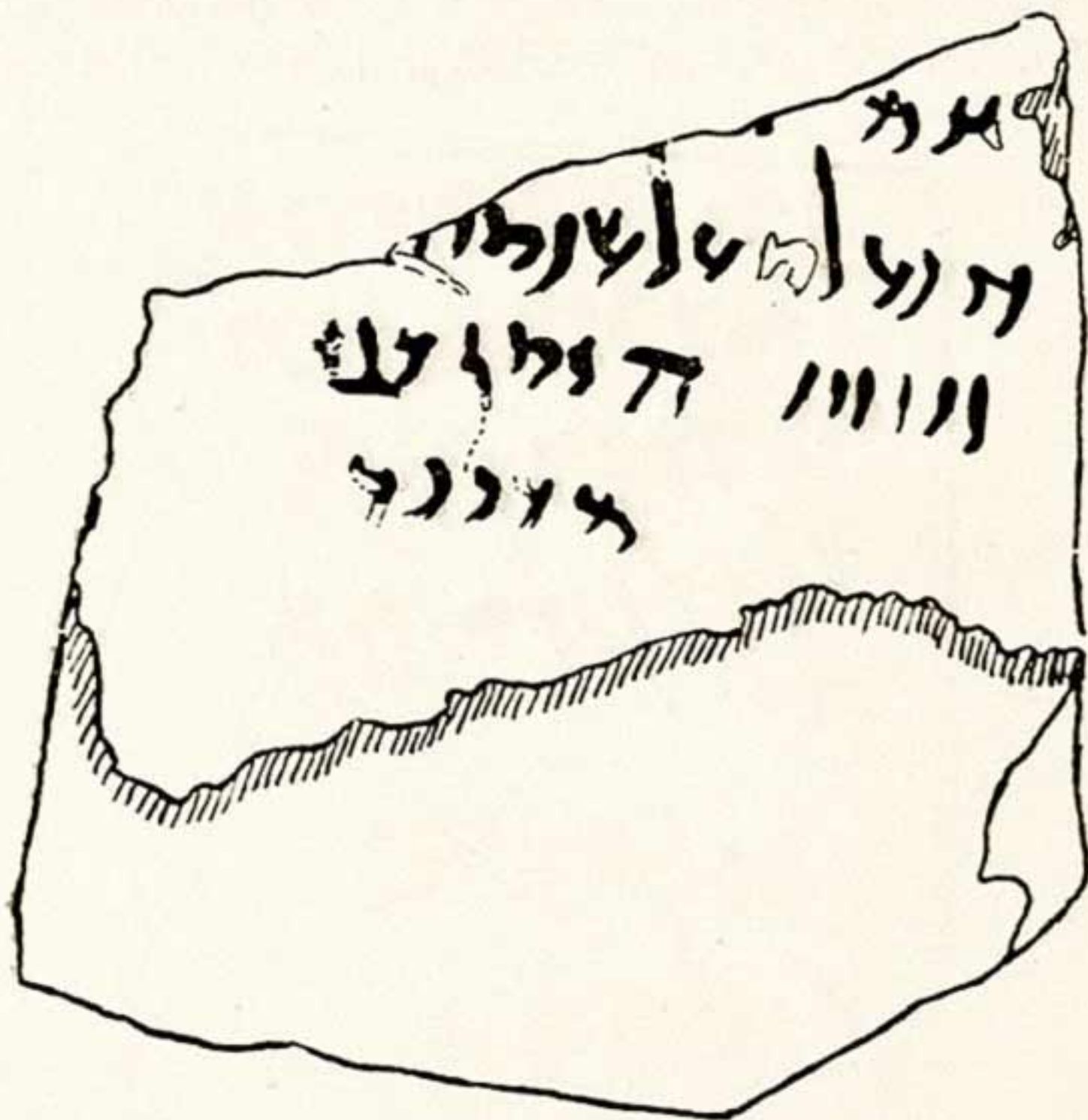

Рис. 14. Текст черепка IV. (Прорисовка).

Текст V (рис. 15)

Сильно поврежден, местами знаки бесследно стерты, аналогичен тексту Ша.

1 [BH'W]'T'Z'N'HMN'KRM' 2 x'WNBRY..... 3 НМХ (?) 4 НУТУWHWMN
 5 MR/D'WBR/K 6 НН'ЛТ'Л'Ш' [NT I]'C'XXXI.

К строке 2-й: N вместо Z — очевидно, описка, ср. VII 1/6—8.

К строке 5-й: последний знак может быть и разделительным штрихом при числительном. Строки 4-я и 5-я отступили от края.

Порядок изложения — как в Ша.

Перевод: 1 По расписке (?) этой из виноградника 2 податного
 3 хумов 10 (?) 4 доставили. Вахуман, счетовод (?). 5 Взнос на год 141 2
 (или 140)'.

¹ Не следует ли и в документе I последний знак слова НМВ читать как цифру 10? (В обоих случаях — менее вероятно чтение „20“).

² Менее вероятно 181 (180?).

Этот документ представляет палимпсест. В строках 3-й, 4-й и, возможно, 5-й заметен смытый текст; читается плохо и неполностью. Вполне аналогичен остальным.

Рис. 15. Текст черепка V. (Прорисовка).

Рис. 16. Текст черепка VI. (Прорисовка).

${}_1$ BHWT[x ZNH] ${}_2$ MNKRM''WZB[R][Y] ${}_3$ xxxxxxxx K[R][Y] ${}_4$ HM-
 III ${}_5$ x HN'LT[']LŠ[NT.....] ${}_6$

К строке 3-й: имя собственное виноградника прочитывать не удастся; не ясно, какие из видимых знаков относятся к основному, какие к пер-

воначальному тексту; из восьми плохо сохранившихся знаков последний, возможно, S или же N, предшествуемый каким-то другим знаком.

К строке 5-й: если первый неясный знак не относится к смытому тексту, то это, возможно, число 2, т. е. 'второй (??) взнос...'

По содержанию текст аналогичен предыдущим; отличается лишь названием виноградника и числом сосудов (5).

Текст VII (рис. 17)

Текст сохранился лучше всех прочих; является самым ранним в серии. Написан четким почерком с соблюдением словоразделов.

¹ BHWT' ZNH MN KRM' 'WZBRY₂ MN НТРК 'KR'Y HM- III/ III
³ HN'LT 'L ŠNTICXXX- III/ ⁴ NYTY MH'RD'IT/MR/DWBR/K

НТРК — имя собственное виноградника (?) — ср. II 4/3—7. Начальное Н здесь выписано отчетливо.

К строке 2-й, конец: четвертый штрих в первой группе единиц, может быть, нанесен случайно, и число в этом случае читается III III I, т. е. 7.

MN (hač) — в этом документе (MN НТРК) соответствует по месту NY в I, 'Y во II (и IIIб?); MN KRM' WZBRY MN НТРК — 'из податного виноградника, из (местности) Нрпк (?)'.

MH'RD'IT/ — второй знак скорее Н, чем H; от третьего и четвертого сохранились следы вертикальных штрихов с наклоном справа вниз налево, характерных для R и D. В конце имени, повидимому, разделительный штрих. Имя собственное Mihrdāt — так же как и Vahuman, с прозрачной этимологией: Mihr, др.-ир. Miθra- 'Митра' плюс dāt, др.-ир. dāta-, причастие прошедшего времени от глагольного корня dā- 'давать', 'устанавливать'. Переход др.-ир. -θr- > -hr-, как показывают армянские заимствования из парфянского, произошел еще в раннеаршакидское время.¹ Ср. также Авроман IIa, 17: Μιραδάτης. Обычное написание слова Mihr в текстах пехлевийской письменности MTR — ср. ŠTR для šahr 'страна' — является примером исторической орфографии, здесь же мы видим фонетическое написание. Ср.-перс. mihr — н.-перс. mehr — 'дружба', 'любовь' — один из многочисленных парфянизмов в персидском (др.-ир. -θr- = перс. -s, парф. -hr, ср. перс. rus, парф. ruhr, rūr 'сын'). Реальное произношение Mihrdāt было, очевидно, Mihr'dāt — с краткой соединительной гласной. Об этом же свидетельствует и греческая передача этого имени в авроманском пергаменте.

Чтение и перевод:

¹ pat HWT' im hač razē āβāžbarē₂ hač Нрпк (?) vxānt xum- 8 (?)
³ HN'LT avi sard 133₄ āβurt Mihrdāt/marubar (?)

¹ По расписке (?) этой из виноградника податного, ² из (местности) Нрпк (?) называемой, сосудов 8 (или 7), ³ взнос на год 133³ ⁴ доставили. Михредат, счетовод (?)

5. Парфянский язык документов

Наши памятники, как указывалось выше, принадлежат к старейшим текстам из Хорасана и Средней Азии. Вместе с тем они являются

¹ Н. Hübschmann. Armenische Grammatik, I. Leipzig, 1895, стр. 52, 53.

² Менее вероятно 18 (или 17)?

³ Менее вероятно 173?

и старейшими памятниками парфянского языка, найденными к тому же на древней территории самой Парфии.

Монеты и парфянские тексты авроманских пергаментов дают очень небольшой иранский языковой материал. В расшифрованном Нюбер-

Рис. 17. Текст черепка VII. (Прорисовка).

гом тексте (авроманский документ III) имеется всего 23 иранских слова, из них 15 — имена собственные. До сих пор нашим основным источником по парфянскому языку эпохи Аршакидов продолжают оставаться заимствования из парфянского в древнеармянский язык,¹ в основ-

¹ См.: Н. Hübschmann. Armenische Grammatik, I. Leipzig, 1895; A. Meillet, MSL, XVII, 1911—1912, стр. 242 и сл.

ном — имена собственные, военно-политическая и административная терминология.

Немногим лучше положение и для парфоязычных памятников сасанидского времени. В парфянских версиях сасанидских надписей подавляющая часть основного словарного фонда языка — наиболее употребительные имена существительные, глаголы, местоимения, предлоги — скрыты в идеограммах.

Парфянские тексты книжной пехлевийской письменности — „Драхт-и Асурик“ и „Авьяткар-и Зареран“, — представляющие большой культурно-исторический интерес с точки зрения содержания и написанные первоначально силлабическими стихами, подверглись значительной переработке со стороны персоязычных редакторов, а затем и переписчиков, старавшихся приблизить язык памятников к среднеперсидскому.

Особое положение среди парфоязычных текстов занимают манихейские сочинения, обнаруженные в Синьцзяне. Подавляющее большинство их составляют тексты, переписанные в восточноиранской среде (преимущественно согдийской) в VIII—IX вв. н. э. Время создания этих текстов относится, повидимому, еще к раннесасанидскому периоду. Большая их часть переводилась со среднеперсидского, что не могло не наложить отпечатка на словарный состав и синтаксис парфянских манихейских текстов. Все же именно эти тексты, написанные без идеограмм, являются нашим основным источником сведений о парфянском языке.

Диалектологическое исследование позволило установить основные черты фонетики и морфологии парфянского языка манихейских текстов,¹ свойственные и памятникам аршакидского и сасанидского периодов, и дать картину парфянско-персидских диалектологических отношений. Следующие примеры из манихейских текстов показывают основные фонетические различия между парфянским и среднеперсидским языками:

Парфянский

Среднеперсидский

puhr	pus	‘сын’
zird	dil	‘сердце’
das	dah	‘десять’
žan	zan	‘женщина’
čafār	čahār	‘четыре’
až	az	‘из, от’
bar	dar	‘дверь, дворец’
hirz-	hil-	‘оставлять’
asp	as	‘лошадь’
išt-	ēst-	‘стоять’
vxaδ	xʷaδ	‘сам’
yāvēdān	javēdān	‘вечно’

В области морфологии в парфянском отлична от среднеперсидского система указательных местоимений: парф. im, hō = ср.-перс. ēn, (h)ān. Парфянскому суффиксу абстрактности -ēft противостоит в среднеперсидском -ih; основа настоящего времени глагола karδan в парфянском kar-, в среднеперсидском kup-. Во многом отличаются системы

¹ К. Г. Залеман. Manichaica, III. Изв. Академии Наук, СПб., 1912; P. Tedesco. Dialectologie der westiranischen Turfantexte. Le Monde Oriental, XV, 1921; А. А. Фрейман. Среднеперсидский язык и его место среди иранских языков. Восточные записки, т. I, Л., 1927.

предлогов, послелогов и союзов. Парфянский имеет иные способы связи определяемого с определением, нежели среднеперсидский: в последнем изафет -i, в парфянском изафет šē или сочетание определяемого с определением посредством предлога až (genit. part.). Отлична в парфянском и флексия настоящего времени, а также формы пассива. Наконец, лексика парфянских манихейских текстов отлична во многом от среднеперсидской, несмотря на, в основном, переводный характер парфянских текстов из Синьцзяна, например 'говорить' — парф. vāž-, ср.-перс. gōβ-; 'ходить' парф. gaδ-, ср.-перс. (ā)maδ-, и др.

Парфянский язык в аршакидское и раннесасанидское времена был языком основной массы населения Хорасана. Естественно, что манихейцы, разгромленные в Персии и перенесшие центр своей деятельности на восток, пользовались парфянским языком, наряду со среднеперсидским и согдийским, для своих проповедей. О значении парфянского языка в деятельности манихейцев в Хорасане повествует один из турфанских текстов (M 2, на среднеперсидском языке),¹ содержащий рассказ о распространении манихеизма еще в первый период этого движения. Текст носит название „Āmađišn-iγ frēstaγ paδ šahrān“ 'Приход посланника в страны'. Строчки R I 34—37, R II 1—7 гласят: duđi ka frēstaγrōšan andar Holvān šahristān būđ x'ānd ō Mari Amu hamōzaγ kē pahlavānīγ diβiri uđ 'zvān dānist ham m[.....]ynyn (?) āšnāγ ō Aβaršahr frēstāđ āβāγ Ardaβān vispuhr uđ brādarān diβirān paβiγān nigār āβāγ.

'Затем, когда посланник света (т. е. Мани) был в столице провинции Хольван,² он вызвал Мар Аму³ проповедника, который знал парфянскую письменность и (парфянский) язык,⁴ (а) также был знаком с m[.....]ynyn (?). Он послал его в Аваршахр⁵ вместе с царевичем Ардаваном,⁶ братьями писцами и вместе с иллюстратором священных книг'.

Таким образом, Мани считал необходимым, чтобы эмиссар, посылаемый в Хорасан, знал парфянский язык и письменность. В течение нескольких веков парфянский язык был главным языком восточно-манихейской церкви. Примерно с VI в. н. э., когда манихейство шагнуло дальше на восток, он уступил эту роль согдийскому языку. Согдийцы, осваивавшие манихейские сочинения на западноиранских языках, и оставили нам основную массу манихейских текстов из Турфана. При переписке часто тексты на среднеперсидском и парфянском языках попадали на один лист. Однако согдийцы вполне отчетливо представляли себе различие между среднеперсидскими и парфянскими текстами. Об этом свидетельствуют, например, согдийско-среднеперсидско-парфянские глоссарии,⁷ составленные к определенным текстам и содержащие среднеперсидскую и парфянскую формы слова, приводимые рядом вместе с согдийским эквивалентом.

¹ Публикацию см.: F. Andreas u. W. Henning. *Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan*, II. Sitzungsber. d. Berl. Akad., 1933.

² Город на дороге Багдад—Хамадан, центр одноименной провинции.

³ Один из трех главных апостолов Мани.

⁴ Pahlavānīγ — прилагательное от pahlavān (Pahlav < Parθava- + патронимический суффикс- ān) 'парфянин', 'парфянский'. Более распространенная форма pahlavik > pahlavīγ > pahlavī 'парфянский язык'. Термин этот был перенесен на обозначение письменности (идеограмматической) и затем и на среднеперсидский язык, пользовавшийся этой письменностью (см.: А. А. Фрейман. *Задачи иранской филологии*. Изв. АН СССР, Отделение литературы и языка, т. V, в. 5, М.—Л., 1946).

⁵ Крайняя западная провинция Хорасана и главный город этой провинции. Позднее Nēv-Šāpuhr (совр. Нишапур).

⁶ Представитель низвергнутой сасанидами аршакидской династии. На связь Мани с домом Аршакидов указывает и Fihrist (см.: G. Flügel. *Mani, seine Lehre und seine Schriften*. Leipzig, 1862, стр. 49).

⁷ Публикацию см.: W. Henning. *Sogdica*. London, 1940.

Граница на западе с персидским языком, на северо-востоке — с согдийским¹ и на востоке (вероятно, задолго до арабского завоевания) с предшественником таджикского языка, парфянский язык в Хорасане постепенно, в течение нескольких столетий, уступил место персидскому и таджикскому. Отсутствие памятников делает пока невозможным прослеживание этапов этого процесса, приведшего, в конечном счете, к полному исчезновению парфянского языка на территории Хорасана.² Арабоязычные географы и историки IX—X вв., сообщающие некоторые сведения о языках и диалектах Хорасана и Средней Азии, не приводят никаких данных, которые позволили бы говорить о существовании в это время парфянского языка.³

Культурными преемниками парфян в значительной мере являются обитающие на территории старой Парфии туркмены.

Исчезнув как самостоятельный язык до IX—X веков н. э., парфянский оставил значительный след в лексике персидского и таджикского языков. Заимствования из парфянского языка в персидском весьма многочисленны. Старейшие из них относятся еще к аршакидскому времени. Большая часть парфянизмов живет до сих пор и в персидском и в таджикском языках, некоторые — только в таджикском или только в персидском.⁴

О местных парфянских диалектах, подчиненных единому языку парфянской народности, у нас нет никаких достоверных данных. Учитывая большую территорию распространения парфянского языка в эпоху Аршакидов и в раннесасанидское время, приходится а priori предполагать наличие большого количества парфянских диалектов и говоров. Часть их, вместе с мидийскими диалектами и говорами, легла в основу ряда северо-западных новоиранских языков и диалектов — курдского, прикаспийских и центральных диалектов.

Из изложенного ясно, что при попытке восстановления парфянского текста нисийских документов приходится привлекать всю совокупность данных по истории иранских языков, добытых сравнительно-исторической грамматикой.

¹ Парфяно-согдийская лексическая встреча может быть показана на примере известного согдийского слова $\beta\ddot{u}rwr$, читай $^*\beta\ddot{a}ur\ddot{u}r$, 'бога сын' — титул китайского императора в согдийских текстах. $P\ddot{u}r$ ($\langle puhr \rangle$) 'сын' — парфянизм. Парфянским является и слово $pi\ddot{u}\ddot{o}\ddot{s}\ddot{a}y$ 'слушатель', 'аудитор' (ср.-перс. $pi\ddot{u}\ddot{o}\ddot{s}\ddot{a}y$) — термин, которым, по свидетельству „Худуд ал-'алам“, называли в Самарканде манихейцев (ср.: В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 44).

² Как отметил уже В. В. Бартольд, термин „пехлевийский“, т. е. „парфянский“, который применялся первоначально для обозначения письма и литературного языка Персии послеахеменидского периода, пережил господство парфян, употреблялся при сасанидах и перешел к мусульманским авторам, но его продолжали употреблять тогда при полном забвении первоначального значения. Вопреки попытке Маркварта (J. Marquart. Beiträge zur Geschichte und Sage von Ērān. ZDMG, XLIX, стр. 630 и сл.) доказать, что автору конца III—начала IV в. хиджры Мухаммеду ар-Рухни было известно настоящее значение слова $فهلو$, по мнению В. В. Бартольда, после армянских авторов VII в. (Себеос, перев. К. Патканьяна, СПб., 1862, стр. 13) никто, повидимому, не знал, что „пехлевийцы“ и „парфяне“ — одно и то же (см.: В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса. ЗВО, XXII, в. III—IV, СПб., 1915, стр. 263). (Ред.).

³ Не упомянут „парфянин“ и в согдийском „списке народов“ (издано у: W. Henning. Sogdica, London, 1940, стр. 8—11), относящемся, повидимому, к VIII—IX в. н. э. и перечисляющем представителей известных в то время согдийцам народов и племен.

⁴ К числу парфянизмов по происхождению относится, повидимому, таджикское слово *калон* 'большой'. Парфянское $KL'N = kalān$ засвидетельствовано в двух манихейских текстах (см. F. Andreas u. W. Henning. Mitteliranische Manichaica, III. SPAW, XXVII, 1934, тексты i 61, m 84).

Предложенное парфянское чтение нисийских текстов в некоторых деталях, возможно, подвергнется еще уточнению. Однако сейчас уже можно утверждать, что эти тексты, помимо их огромного культурно-исторического значения, дают ценный материал и для истории парфянского языка.

Прочитанные пока имена собственные чиновников свидетельствуют с несомненностью о том, что писали эти документы парфяне. „Ваху-иан“, „Михредат“, „Роштан“ — хорошо этимологизируемые по-ирански имена, причем „Михредат“ представляет чисто парфянскую форму. Еще более показательным словом является pavrāšt из текста II с парфянской трактовкой второй его части -rāšt (-št при персидском -st).

Если мы правильно понимаем НУ в тексте I и 'У в тексте II (и IIIб?) как hē || ē — форму относительно-указательного местоимения, то в таком случае местный нисийский диалект парфянского языка расходится в этом пункте с парфянскими аршакидскими версиями сасанидских надписей и манихейскими текстами. Наши сведения о парфянской диалектологии пока ничтожны. Парфянские манихейские тексты позволяют все же предполагать наличие по крайней мере двух парфянских диалектов — ср., например, отражение древнеиранского поствокального d как ð и как h в значительном числе парфянских слов из манихейских текстов.

Вполне возможно, что парфянские диалекты различались между собой и по ряду других признаков. Дальнейшие находки памятников парфянской письменности, несомненно, позволят выяснить более полно этот вопрос.

6. Арамейские идеограммы

Арамейские идеограммы нисийских текстов представляют известное своеобразие по сравнению с обычными в пехлевийских письменностях, причем не только по сравнению с идеограммами книжной среднеперсидской письменности и сасанидских надписей, но и по сравнению с парфянской системой идеограмм, известной нам из авроманских документов и из версии пахлавик раннесасанидских эпиграфических памятников. Не представляя сами по себе большого интереса для собственно арамейской филологии, они, тем не менее, позволяют сделать некоторые выводы, относящиеся к истории арамейских идеограмм в иноязычных письменностях.

При рассмотрении арамейских идеограмм нисийских текстов прежде всего бросается в глаза принадлежность их всех к раннему западно-арамейскому „койнэ“ („первый слой пехлевийских идеограмм“ по А. Я. Борисову). Это видно из ряда признаков.

1. Семитское d передается в них, как z, а не как d, например ZNH.¹ Это явление характерно, наряду с передачей d как d, для арамейских текстов, начиная с IX в. до н. э. до конца ахеменидского периода, а пережиточно и позже. Именно передача d как z была общепринятой в арамейской письменности ахеменидских канцелярий V—IV вв. до н. э. Передачи d как z нет в книге Эзры, восходящей по своему языковому материалу частично еще к тому же V в., даже несколько раньше эфесских папирусов (тексты официальных документов), но, вероятно, нормализованной по своей орфографии в несколько более позднее

¹ Это местоимение встречается в числе идеограмм в пехлевийских письменностях как в форме ZNH, так и в более поздней, но все еще западноарамейской форме DNH; последнее написание объясняется, впрочем, возможно, смешением букв Z и D в книжно-пехлевийской письменности.

время. Написание семитского \underline{d} через d , распространенное первоначально, вероятно, в Месопотамии,¹ становится позже нормой для всех арамейских диалектов.

2. Н в каузативе сохраняется, а не заменяется ('), например $ha\dot{u}t\dot{i}$, $han'\dot{a}l\dot{u}t^h$. Первые достоверные признаки замены формы „хаф'эл“ формой „аф'эл“ наблюдаются, но лишь в отдельных случаях, в элефантинских папирусах, а также в книге Даниила, арамейские части которой могут быть отнесены к середине II в. до н. э. В книге Эзры формы „аф'эл“ нет.²

3. Чередование Н и (') в окончаниях имен определенного состояния ($B\dot{H}W\dot{T}H \parallel B\dot{H}W\dot{T}'$) также указывает на сравнительно раннее происхождение идеограмм. На это же указывает отсутствие удвоения знака vav в том же слове (*scriptio defectiva* $H\dot{W}T'$ вместо $*H\dot{W}W\dot{T}'$).

Таким образом, языковой характер идеограмм, общий для нисийских документов с авроманскими и сасанидскими надписями в варианте пахлавик, а также с „первым слоем“ в составе идеограмм книжной среднеперсидской письменности, с несомненностью указывает на ахеменидское время как время их возникновения. Это подтверждается и самим письмом, явно представляющим прямое продолжение ахеменидского канцелярского пошиба. С этой точки зрения трудно согласиться с Г. В. Церетели,³ полагающим, что сасанидское персидское письмо (парсик), „возможно, восходит к гораздо более древней эпохе“, чем парфянская разновидность письма на арамейской основе. На монетах III—I вв. до н. э. из Парса можно проследить возникновение сасанидского письма парсик из того же арамейского пошиба ахеменидского времени, что и письма пахлавик; все дело в том, что развитие письма парсик шло несколько иными путями и зашло дальше, в то время как парфянский пошиб долее сохранял архаические формы.

Но если языковой характер идеограмм в нисийских текстах не отличается от первого слоя обычных пехлевийских идеограмм, то в способе их применения имеется существенная разница. В остальных парфянских текстах, так же как в книжной среднеперсидской письменности, идеограммы часто применяются с иранскими морфологическими показателями, фонетически выписанными при идеограмме, т. е. с тем, что в ассириологии носит название фонетических комплементов. Для глаголов такое написание является правилом. В нисийских документах, напротив, ни одна из идеограмм не имеет при себе фонетического комплемента. Правда, глагол встречается в этих документах только в одном единственном случае, и здесь отсутствие комплемента может быть объяснено тем, что перед нами повелительная форма, представляющая и в иранском чистую основу. Но, как мы видели, кажется более вероятным, что это не повелительная форма, а прошедшее время, следовательно, мы имеем перед собой написание глагола без фонетического комплемента. Если дальнейшие находки текстов подтвердят

¹ Ср.: Н. Н. Schaefer. *Iranische Beiträge*, I, стр. 44 и сл.

² Форма „аф'эл“ является, впрочем, древней в семитских языках и встречается еще в угаритском. Однако в ранних арамейских текстах, повидимому, нет достоверных свидетельств для этой формы. В пехлевийских идеограммах достоверных случаев употребления формы „аф'эл“, как кажется, также нет, а в арамейском языке ахеменидских канцелярий (в частности в элефантинских папирусах) она встречается лишь как нарушение нормы. Форма префикса $'it^h$ - (вместо hit^h -) в возвратных породах, напротив, встречается очень рано, что, возможно, свидетельствует о воздействии аккадского языка.

³ Г. В. Церетели. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. Эпиграфика Востока, II, 1948, стр. 99.

наше предположение, то этот способ написания глагола, два примера которого имеются и в авроманском документе III, наряду со случаем написания глагола идеограммой с фонетическим компонентом, должен будет считаться более архаическим. У нас есть основание предполагать, что этот способ написания глаголов не только действительно был наиболее архаическим, но и сочетался первоначально со способом передачи каждой иранской глагольной формы соответствующей или наиболее подходящей арамейской глагольной формой. В авроманских документах, даже при наличии иранских фонетических компонентов, в глаголах одновременно различаются и арамейские формы. Это происходит таким образом: иранское настоящее время передается арамейским активным причастием, играющим в арамейском отчасти ту же роль, что иранское настоящее время, иранское прошедшее время передается арамейским перфектом, иранское пассивное причастие — арамейским пассивным же причастием, и к этим уже формам в некоторых случаях прибавляется написание иранских морфологических элементов. Представляется вероятным, что такое по существу тавтологическое написание является вторичным, а первичным является передача каждой иранской глагольной формы соответствующей арамейской глагольной формой без всякого фонетического компонента. Лишь позже происходит застывание идеограмм для глаголов в какой-либо одной форме (по мнению Нюберга,¹ в императиве, поскольку он соответствует иранской форме, лишенной каких-либо окончаний). В парфянской письменности, как мы видим, фонетические компоненты появляются рано, и своим появлением, разумеется, еще более способствуют застыванию идеограмм в какой-либо одной форме, так как надобность в различении арамейских глагольных форм отпадает. Такой способ написания идеограмм наблюдается и в сасанидских надписях, и в книжной среднеперсидской письменности, где запас идеограмм пополняется новыми идеограммами, взятыми из восточноарамейского диалекта (по мнению А. Я. Борисова, из диалекта Хиры или царства Лахмидов), которые частично вытесняют бывшие ранее в употреблении западноарамейские идеограммы.²

Такое предположение о первоначальном характере и способе употребления арамейских идеограмм в иранских письменностях позволяет высказать также предположение о причине самого появления этих идеограмм.

Этой причиной, с нашей точки зрения, является тот факт, что иранский текст, содержащий идеограммы в их первоначальном виде, должен был быть значительно более легким для чтения, чем чисто иранский текст, написанный арамейской системой письма. Мы знаем, судя по тому, что нам удалось прочесть в древнеперсидской надписи из Накши Рустема, написанной арамейским письмом, что в наиболее ранний период, повидимому, никаких арамейских идеограмм в иранской письменности на арамейской основе не было.³ Но не забудем, что в то время в этой письменности не было почти и никаких гласных. Ранняя арамейская письменность обозначала гласные с помощью так называемых „слабых“ согласных только в случае морфологически существенных

¹ H. S. Nyberg. The Pahlavi Documents from Avroman. *Le Monde Oriental*, XVII, 2—3, стр. 227.

² Например: 'ŠTH (äštē) вместо 'KLW ('āk^həlū?) для x^vartan 'есть', 'пользоваться', L'YNY (la'ene) вместо KDMTH (ka^dmat^heh?) 'перед' и т. д. (см.: H. S. Nyberg, ук. соч., стр. 205, 227).

³ Наиболее ранний из известных нам достоверных случаев применения арамейских идеограмм — в титулатуре правителей Парса на монетах III в. до н. э.

окончаний; во всех остальных случаях она оставляла гласные, как долгие, так и краткие, без обозначения. Затем появляется нерегулярное обозначение долгих гласных также и в середине слова, причем в течение длительного времени — только в случае долгих гласных, образовавшихся из дифтонгов или в результате выпадения гортанного взрыва ('); особенно редко обозначение долгого \bar{a} в середине слова.¹ Еще позже появляется спорадическое обозначение кратких гласных. Ясно, что иранский текст, написанный по такой системе, да еще, вероятно, часто и без словоразделов, давал почву для бесконечных ошибок и не позволял различать существенные грамматические формы. Чтение неогласованного иранского текста, при богатой древнеиранской флексии, превращалось в головоломную задачу. В этих условиях введение семитских слов с их твердым согласным костяком и специфической ролью их согласного состава должно было значительно облегчить чтение текстов для всякого, кто был знаком с арамейским языком и мог без труда переводить с арамейского на иранский, при условии, чтобы в арамейских идеограммах указывалась грамматическая форма, что, как мы видели, повидимому, и имело место.² Иранский писец ахеменидского времени должен был быть хорошо знаком с арамейским языком как с языком канцелярий. Лишь позже, с утерей арамейским языком своей роли всеобщего канцелярского языка (т. е., вероятно, в период эллинизма) появилась надобность дополнительно разъяснять арамейские формы иранскими фонетическими компонентами, после упрощения иранской флексии достаточно определявшими грамматическую форму слова, пока, наконец, арамейские идеограммы не превратились в искусственный барьер, преграждавший доступ к грамотности для непосвященных.

Мысль о том, что арамейские идеограммы были первоначально введены для облегчения чтения иранских текстов, может показаться парадоксальной тем, кто имеет дело только с поздней среднеперсидской письменностью, не только чрезвычайно трудной именно благодаря наличию в ней идеограмм, но и благодаря невероятному искажению этих идеограмм, уже непонятных самим писцам.³ Но тем, кто знаком с различными системами клинописи, известно, насколько облегчают чтение иноязычные идеограммы в тех случаях, когда язык

¹ Обозначения долгого \bar{a} нет в нисийских документах, а в авроманских оно встречается спорадически.

² Этим, очевидно, и объясняется повсеместное распространение арамейских идеограмм в несемитских письменностях на арамейской основе. Это была своего рода паллиативная замена огласовки. Характерно, что в согдийской графике, с ее более развитой системой огласовки и меньшей связанностью традицией, идеограммы мало применяются. Число идеограмм в тексте могло быть очень велико, вплоть до того, что почти весь текст зашифровывался ими (таковы, возможно, армазские тексты и надписи Артаксия из Армении); но и в этих случаях идеографической характер письма должен был обнаруживаться в нарушении правил арамейского синтаксиса и морфологии.

³ Однако именно такова была точка зрения знатока пехлевийской письменности, арабоязычного писателя VIII в. н. э. Ибн ал-Мукаффа' (см.: А. А. Фрейман. Среднеперсидский язык и его место среди иранских языков. Восточные записки, I, Л., 1927, стр. 58). По мнению Ибн ал-Мукаффа', идеограммы вводятся в пехлевийской письменности во избежание двусмысленности (*муташибихат*, см.: Н. Н. Schaeder. Iranische Beiträge, I, стр. 9, примеч. 1). Это замечание объясняется обычно как относящееся к позднепехлевийскому пошибу, где действительно многие слова графически допускают различное чтение. Но следует иметь в виду, что такой пошиб возник не ранее VII в. н. э., и к тому же в нем часто идеограммы графически не менее двусмысленны, чем скрываемые ими раскрытые написания, и, наоборот, часто двусмысленными являются раскрытые написания, для которых не применяются идеограммы. Поэтому не исключена возможность, что объяснение идеограмм у Ибн ал-Мукаффа' имеет иное происхождение и восходит к хорошей древней традиции.

передается системой письма, не приспособленной к фонетической и морфологической системе данного языка. Это особенно заметно при дешифровке.¹

Высказанное Шедером² предположение о происхождении идеограмм кажется нам неубедительным. Согласно этому предположению, первоначально ахеменидские правительственные тексты по всей державе составлялись и рассылались только на арамейском языке, но в восточной ее части, где наблюдалось постепенное переполнение текстов иранизмами, они стали в какой-то момент читаться сплошь по-ирански, путем дословного перевода оставшихся собственно арамейских частей текста слова за слово на иранский язык, что и явилось начальной формой существования арамейских идеограмм в иранской письменности.³

Этому предположению противоречит прежде всего свидетельство Накши-рустемского текста, как теперь известно (в противоположность указанию Шедера),⁴ написанного отнюдь не по-арамейски, а по-древнеперсидски. Это видно из характерных, выделяемых словоразделами и ясно читаемых, несмотря на фрагментированность текста, древнеперсидских слов:⁵ так, в строках 4-й, 17-й, 18-й, 20-й и 23-й читается слово ТУ, в строке 7-й — 'WT (дважды), в строке 16-й — 'WT K'R и немного далее НУ, которое встречается, повидимому, и в других местах, наконец, в строке 20-й — HŠYTU WZRK. Древнеперсидское чтение этих слов не подлежит сомнению: это относительное местоимение *tu* 'который', союз *uta* 'и' и слово *kāga* 'народ-войско', относительное местоимение *hu* и, наконец, совсем уже ясно — *xšāyađiya vazrka* 'царь великий'. Эти слова как правило в пехлевийских письменностях зашифровываются идеограммами; в том числе идеографическое написание слова 'царь' — арамейское MLK' — является не только чрезвычайно распространенным и даже почти единственно употребительным, но и одной из наиболее рано засвидетельствованных идеограмм. Между тем, во фрагментах Накши-рустемской надписи нельзя обнаружить ни одной явной арамейской идеограммы. Из этого, между прочим, видна также ошибочность теории Херцфельда⁶ о том, что иранская письменность на арамейской основе была введена при Дарии I сразу с арамейскими идеограммами.

¹ Так, строка документа I: HYNKBKNKRY, где всякое R можно счесть за D или K и наоборот, вряд ли поддавалась бы прочтению, если бы не идеограмма KRY, и положение парфянских читателей здесь было немногим более легким, чем положение дешифровщиков, поскольку здесь имеется имя собственное, форму которого трудно предугадать.

² H. N. Schaefer, *Iranische Beiträge*, I, стр. 94.

³ Однако как бы много ни было бы заимствованных слов в каком-либо языке, он от этого не может стать другим языком. Переход от арамейского языка к иранскому языку, хотя бы и зашифрованному идеограммами, остается здесь необъясненным.

⁴ H. N. Schaefer, *Iranische Beiträge*, I, стр. 95.

⁵ E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*. Berlin, 1938, стр. 12.

⁶ E. Herzfeld, *Paikuli*. Berlin, 1924, стр. 73. Из читаемых фрагментов Накши-рустемской надписи арамейским письмом видно также, что она, вопреки общему мнению, не является версией дариевой надписи Накши-Рустем „б“, так как в последней нигде не встречается выражение *xšāyađiya vazrka*. Более того, эта надпись вообще вряд ли принадлежит Дарию I, так как в той же 20-й строке, после слов HŠYTU WZRK 'ST (?) и остатков еще некоторого количества знаков, читается, повидимому, [']RTHŠŠ, т. е. имя *Artaxšāđra* 'Артаксеркс' (в эфлантинских папирусах и других документах ахеменидского времени на арамейском языке — 'RTHŠŠŠ, в библейско-арамейском — 'RTHŠST и 'RTHŠŠT').

Далее, гипотезе Шедера противоречит и факт расхождения между арамейским и иранским синтаксисом, в результате которого дословный, как бы подстрочный, перевод с арамейского на иранский должен был бы быть мало вразумительным.¹ Наконец, следует отметить, что ни одна из известных нам систем письма, применяющих иноязычные идеограммы, не возникла, повидимому, таким способом, какой предполагает Шедер.

Соображение Шедера о том, что Дарий I не мог ввести одновременно двух официальных систем письменности в державе, а именно арамейской и иранской, бьет мимо цели. Арамейский язык и письмо не были введены в качестве официальных впервые Дарием I, а существовали именно в этом качестве — наряду с аккадским языком и клинописью — еще в ассирийской державе VIII—VII вв., что доказывается изображениями и текстами.² В § 70 эламской версии бехистунской надписи, в котором и говорится о введении Дарием I новой письменности, ясно сказано о письменности на иранском языке „другим способом“ (т. е. не клинописью, которая применялась для древнеперсидского языка уже по крайней мере со времени Кира).

Таким образом, Дарий I действительно ввел в официальное употребление одну новую письменность, а именно — иранскую письменность на арамейской основе, но не в ее „пехлевийском“ виде, а, повидимому, без идеограмм, которые, вероятно, были введены позже (но еще в пределах времени существования ахеменидской же державы) для облегчения чтения текста, поскольку письмо без кратких гласных, сравнительно хорошо передававшее арамейские грамматические формы (в особенности глагольную флексию), было трудным для понимания, так как не передавало богатой староиранской системы гласных флексий.

Трудно сказать, к какой народности принадлежали писцы, которым мы обязаны введением идеограмм в иранские письменности. В ахеменидское время знание арамейского языка было, очевидно, обязательным для всякого писца, и некоторые особенности идеограмм заставляют думать, что их создатели не были арамеями.³ Не говоря уже о тради-

¹ Переводы, делавшиеся арамейскими (и эламскими) писцами для персидских начальствующих лиц администрации (H. N. Schaefer. *Iranische Beiträge*, I, стр. 6 и сл.), были, конечно, лишь изложениями, пересказами, на что указывает и применявшийся термин, арамейск. *rāgaš* 'толковать', 'интерпретировать'. Поэтому нет оснований предполагать, что уже древнейшие, чисто арамейские тексты с самого начала воспринимались в восточных частях ахеменидской державы как сплошь зашифрованные иранские, как это предполагает Шедер на основании весьма произвольного толкования § 70 эламской версии Бехистунской надписи (ук. соч., стр. 13).

² В. Meissner. *Babylonien und Assyrien*, I. Heidelberg, 1925, стр. 132, примеч. 3; ср. ассирийские изображения царских писцов, выступающих обыкновенно в паре: один пишет клинописью на таблетке, другой — на папирусе (см.: E. Botta et E. Flandin. *Monuments de Ninive*, II, Paris, 1849, табл. 141 и др.).

³ Всякий иранский грамотей должен был знать арамейский язык и письменность, официально принятые в канцеляриях (в том числе и на востоке державы, как доказывает арамейская надпись Ашоки, составленная уже на индийской территории во II в. до н. э. и предполагающая традицию грамотности на арамейском языке; в западных областях Ирана арамейским языком сменился, повидимому, эламский, еще в V в. до н. э. засвидетельствованный как язык канцелярий архивом из Персеполя). Но арамейскому писцу ахеменидского времени, если и надо было знать древнеперсидский разговорный язык, не было никакой надобности знать иранскую письменность; в качестве официальной она еще не привилась, а читать какие-либо неофициальные иранские тексты арамейскому писцу вряд ли приходилось. И если бы арамейские писцы стали бы заменять слова чуждого им языка своими, то это они сделали бы скорее с наименее употребительными словами, — следовательно, лучше знакомыми им на их родном арамейском языке, чем на иранском, — а не с наиболее употребительными, для которых в действительности

ционном раскрытии некоторых идеограмм, указывающем на неточное понимание арамейских слов теми, кто впервые отождествлял их с иранскими,¹ трудно представить себе, чтобы арамейские писцы, применяя идеограммы, совершали бы ошибки в употреблении состояний арамейского имени, между тем положение именно таково, и это видно, в частности, и из нисийских документов. Так, если KRM' и HWT' стоят в определенном состоянии, то слова ŠNT и HN'LT — в сопряженном, причем последнее — совершенно не оправдано. Заметим, что слово ŠNT 'год' во всей пехлевийской письменности применяется только в сопряженном состоянии.² Создается впечатление, что форма арамейского слова бралась механически из наиболее распространенных канцелярских формул, где такие слова, как „год“ и „взнос“ вполне естественно стояли в сопряженном состоянии (слово „год“ перед датой, слово „взнос“ перед обозначением — взнос чего именно или чей).

Но это же ошибочное употребление арамейских форм показывает, что сам формуляр рассматриваемых документов не механически заимствован из арамейских канцелярий. На это указывает неуместное употребление сопряженного состояния в слове HN'LT 'взнос' и неправильное согласование женского рода HWT' с местоимением мужского рода ZNH. В случае заимствования готовой формулы целиком, можно было бы ожидать, что она будет заимствована в правильной форме. Таким образом, основная, повторяющаяся из документа в документ часть формуляра, несмотря на видимость сплошного арамейского текста, повидимому, не представляет собой идеограммы-предложения, как некоторые шумерские юридические и канцелярские формулы в вавилонской письменности, а является серией отдельных арамейских идеограмм, переводимых на парфянский язык слово за словом. К сожалению, мы не знаем иранского чтения некоторых идеограмм.

В документах из Нисы мы видим, таким образом, лишь отдаленное влияние арамейской письменности как самой графической основы иранских письменностей вообще и как источника идеограмм в ахеменидское время, но не непосредственное влияние арамейской канцелярии; можно вообще сомневаться в существовании ее в Парфии. Писцы наших документов во всяком случае являлись парфянами, как доказывают уже самые их имена.

7. О датировке документов

Как видно из текстов документов, все они были точно датированы по формуле HN'LT 'L ŠNT... 'Взнос на год...'

Даты полностью сохранились в текстах II, V и VII, предположительно восстанавливаются в текстах I, IIIa, IV. Во всех случаях, где об этом позволяет судить сохранность документов, дата выражена цифрами. Кроме того, цифрами выражено количество единиц взноса.

в первую очередь и применяются идеограммы. Напротив, вполне естественно, что иранцы брали из арамейского языка именно наиболее употребительные, хорошо им известные по официальным документам слова.

¹ Хороший пример — неточное употребление идеограммы KDM (ошибочное позднее написание MDM) в значении 'на' вместо 'перед', основанное на некритическом обобщении одной распространенной в арамейских деловых документах идиомы (см.: Н. Н. Schaefer. *Iranische Beiträge*, I, стр. 42, примеч. 2).

² Впрочем, это вообще распространенное явление для идеограмм в книжном среднеперсидском и объясняется там, вероятно, теми же причинами, что и выбор императива (?) для глаголов.

Система цифр в арамейских алфавитах хорошо известна нам по целому ряду памятников.¹ В ней существуют обычно особые знаки для сотен, для двадцаток, для десятков и для единиц. Система цифр, наиболее близкая к разбираемой, применена в авроманских документах.

В этой системе, так же как и в нисийских документах, единицы выражаются рядом вертикальных черточек, не заходящих ниже строки. Десятки выражаются знаком в виде высокой черты, загнутой наверху влево (Ниса), или же несколько выгнутой, причем концы ее смотрят влево (Авроман). Двадцатки известны нам из авроманского документа III, но, повидимому, не встречаются в документах из Нисы.² Они по форме представляют собой как бы двойную десятку или две десятки, помещенные одна над другой.

Знак для сотен сходен в авроманском и нисийских документах и является, несомненно, развитием знака для сотни в более древних арамейских алфавитах (элефантинский и др.). Интересен тот способ, которым выражаются сотни в каком-нибудь числе. Знак для сотни никогда не стоит один. Если нужно обозначить число „сто“, то ставится знак для сотни, а справа от него помещается один знак для единицы (см. нисийские документы I, II, V, VII). Если же требуется обозначить, скажем, число „триста“, то ставится также только один знак для сотни, но справа от него помещаются три знака для единицы (см. авроманский документ III, строка 1-я).

Десятки и двадцатки ставятся слева от сотен, и обозначение десятков бывает двойное: или же ставится столько знаков для десятка, сколько десятков в числе (в нисийских текстах — не свыше четырех десятков), или же ставятся знаки для двадцатки, а справа добавляется знак для десятки, если число десятков нечетное (так в авроманском документе III для числа пятьдесят). Левее десятков ставятся единицы. В одном случае (нисийский текст VII) между группой десятков и группой единиц стоит разделительный знак, напоминающий наш „дефис“. Для того чтобы показать, что цифры кончились, после группы цифр иногда ставится разделительный штрих, идущий слева вниз направо и не принимаемый во внимание в счете знаков.³ Правда, это правило проводится довольно непоследовательно. В ряде случаев этот разделительный штрих отсутствует.

¹ M. Lidzbarski. Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik, Weimar, 1898, стр. 200, табл. XLVI; CIS, II, 146, 147; E. Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraca aus Elephantine. Leipzig, 1911, табл. 52. В советской научной литературе вопрос о знаках для числительных в письменностях на арамейской основе был поднят в связи с расшифровкой ставшей уже знаменитой армазской билингвы (см.: Г. В. Церетели. Армазская билингва. Тбилиси, 1941, стр. 17—20; А. А. Фрейман. Несколько замечаний об Армазской билингве Г. В. Церетели. Изв. АН СССР, секция языка и литературы, V, вып. 2, 1946, стр. 159 и сл.; Г. В. Церетели. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита, I. Эпиграфика Востока, II, 1948, стр. 59 и сл.); в настоящей связи нам нет необходимости входить в детали развернувшейся в этих статьях дискуссии.

² Разницу между десяткой и двадцаткой в авроманском документе установил еще Каули (Cowley, JRAS, 1919, стр. 147—154). Первый издатель документов Э. Миннз не совсем правильно понял систему цифр (E. Minns. Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan. JHS, XXXV, 1915, табл. на стр. 62). Нельзя совершенно исключить возможность того, что в нисийских документах роль десятки играет короткий горизонтальный штрих (см. транскрипцию), а знак, транскрибированный нами как „X“, есть на самом деле двадцатка.

³ Роль этого штриха Миннз понял неправильно, считая его за обозначение последней единицы в группе. Ту же ошибку повторил Каули. Нюберг первый правильно истолковал этот штрих (см.: H. Nyberg. The Pahlavi Documents from Avroman. Le Monde Oriental, XVIII, 1923, стр. 188).

Остановимся подробнее на датах, встречающихся в нисийских документах. Полных дат три и три восстанавливаемые:

II — год 140	I — год 1[3]4 (или 1[4]4 ?)
V — год 141	IIIa — год [13]4 (или [14]4 ?)
VII — год 133 ¹	IV — год 1[3]6 (или 1[4]6 ?)

Следовательно, те документы из Нисы, которые имеют сохранившуюся целиком дату, охватывают период в девять лет, т. е., практически говоря, одновременны. Таким образом, лишний раз подтверждается предположение, что разница в написании отдельных букв в нисийских документах вызвана разницей в почерках и выучке писцов, а не большим отрезком времени, отделяющим один документ от другого.

С какой же эрой мы имеем здесь дело? Мы знаем, что в Парфянской державе были распространены два летосчисления: по селевкидской эре и по парфянской или, как ее чаще называют, по аршакидской эре. Повидимому, и нам придется выбирать одну из этих двух систем летосчисления.

Селевкидская эра, считавшаяся обычно с 1 дия (октября?) 312 г. до н. э., в Вавилонии, откуда дошло до нас много датированных по этой эре документов, считалась с 1 нисана (апреля) 311 г. до н. э., т. е. подгонялась к привычному в Вавилонии началу года (весной, после весеннего равноденствия).

По аршакидской эре датированы дошедшие до нас клинописные и греческие документы из Вавилонии той поры, когда эта страна подчинялась парфянским царям.² Но в этих документах всегда имеется двойная датировка, кроме аршакидской имеется и селевкидская дата, что помогает нам установить начало аршакидской эры, принятое в Вавилонии: 1 нисана 247 года до н. э.; иначе говоря, начало аршакидской эры ближе к нам ровно на 64 года, чем начало селевкидской.

Миннз полагает, что авроманские греческие документы I и II датированы по селевкидской эре уже по одному тому, что они греческие, а кроме того, и потому, что в них дана одна только дата, аршакидская же дата всегда должна сопровождаться селевкидской.³ На основании этих соображений и исходя из того, что в греческих документах селевкидская эра должна считаться с 1 дия 312 г., Миннз датирует документ Авроман I ноябрем 88 г. до н. э., а документ Авроман II — 22—21 гг. до н. э.

Нюберг, первый исследователь, давший удовлетворительное толкование текста Авроман III, повидимому, молчаливо соглашается с аргу-

¹ При чтении, на возможность которого указано выше (примеч. 2 к стр. 56), даты должны пониматься иначе: VII — год 173, II — год 180, V — год 181, и т. д.; но, как уже указывалось, это чтение, значительно меняющее хронологическую атрибуцию, кажется нам менее вероятным. Число хумов при этом чтении было бы: I — 11 + x, II — 16 и 1, IIIa — 7 (?), IIIb — 17, V — 10, VI — 15, VII — 17 или 18.

² Подробно об этом см.: E. Minns. *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan*. JHS, XXXV, 1915, стр. 33 и сл.

³ E. Minns, ук., соч., стр. 37, 38. Действительно, все случаи, когда в документе или на монете стоит одна дата, могущая быть истолкована как аршакидская — сомнительны. После того, как Миннз, Каули, Унвала, Нюберг издали свои статьи, посвященные авроманским документам, стало известно греческое письмо Артабана III городу Сузам, датированное только по аршакидской эре (17 ауднея 286 г. = 21 г. н. э.). Из контекста письма ясно, что это действительно парфянская, а не селевкидская эра (см. уже упоминавшееся издание этого письма в книге: C. V. Welles. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. New Haven, 1934, стр. 299—306).

ментацией Миннза, так как нигде не возражает против нее. Однако в переводе текста Авроман III он оставляет „год 300“ без пересчета в годы нашей эры. Повидимому, все же этот вопрос Ньюбергу не был ясен до конца.

Год 300 по вавилонскому варианту селевкидской эры — это 11/10 г. до н. э. (а по македонскому варианту 12/11 гг. до н. э.).

С датировкой греческих документов, данной Миннзом, придется, повидимому, согласиться; убедительным кажется его анализ титулатуры парфянских царей (ук. соч., стр. 38—42).

Относительно датировки документа Авроман III возникают серьезные сомнения. За датировку по селевкидской эре говорит, пожалуй, лишь то обстоятельство, что аршакидская дата отодвинула бы во времени документ Авроман III от документа Авроман I на 140 лет — срок несколько большей для документов, найденных вместе. Однако легко себе представить, что документ, написанный по-парфянски, и датирован был по парфянской эре. Тогда его дата — 53/54 год н. э.¹

Вернемся теперь к нисийским документам.

На основании чисто палеографических данных, мы, как уже упоминалось выше, склонны были датировать документы из Нисы II—I вв. до н. э., и скорее началом этого отрезка времени, чем концом.

После того как удалось прочесть даты, стало ясно, что мы были правы в своих первоначальных предположениях. Однако нисийские документы датированы только по одной эре, и нет уверенности в том, какая эра применена.

Если это селевкидская эра в ее восточном варианте, то мы имеем соответственно:

VII — 178/7 г. до н. э.

I и IIIa — 177/6 г. до н. э.?

IV — 175/4 г. до н. э.?

II — 171/0 г. до н. э.

V — 170/69 г. до н. э.

Однако нам представляется, что в старом парфянском центре, вдали от эллинизированных городов Месопотамии, в документах на парфянском языке более вероятным является применение парфянского (аршакидского) летосчисления. Если мы примем эту гипотезу, то даты нисийских документов будут следующие:

VII — 114/3 г. до н. э.

I и IIIa — 113/2 г. до н. э.?

IV — 111/10 г. до н. э.?

II — 107/6 г. до н. э.

V — 106/5 г. до н. э.

т. е. все документы относятся ко времени Митридата II, блестящей поре Парфянской державы. Мы склонны признать более вероятной датировку по аршакидской эре.

Разница во времени между документом Авроман III и наиболее ранним из нисийских документов, текстом VII, составляет от 231 года (если первый датирован по аршакидской, а второй по селевкидской эре), до 103 лет (если, наоборот, первый датирован по селевкидской, а второй по аршакидской эре, что мы и считаем наиболее вероятным). Срок в 230 лет, пожалуй, слишком велик для небольшой, в общем, разницы в алфавитах этих документов.

¹ Палеографически знаки письма в документе Авроман I (парфянская приписка на обороте) и в документе Авроман III вряд ли могут отстоять друг от друга на 140 лет, хотя, несомненно, знаки в документе Авроман I архаичнее.

Так или иначе — нисийские документы относятся ко II в. до н. э., по какой бы эре их ни датировать, и являются наиболее древними памятниками письменности, найденными на территории Средней Азии, кроме упоминавшейся выше надписи из одного слова на золотом кольце „амударьинского клада“, которую трудно датировать с достаточной степенью точности. Во всяком случае ее следует отнести к эллинистическому периоду.

Кроме того, нисийские документы — также и древнейшие из известных нам письменных памятников, составленных на территории Парфянского царства.

8. Историческое значение документов

История Парфянского царства занимает видное место в истории народов Средней Азии и Ирана. Парфянское царство в течение долгого времени было одним из могущественнейших государственных образований, стоявших наравне с Римом, Кушанской державой и Ханьским Китаем.

Но несмотря на все значение Парфянского царства в мировой истории, мы все же до сих пор мало о нем знаем. Особенно мало нам известно о социальном строе общества того времени.

Основными письменными источниками по истории Парфянского царства являются сочинения на греческом и латинском языках римской поры.

Единственное дошедшее до нас связное изложение истории Парфянского царства, доведенное до 9 г. до н. э., — это рассказ современника Августа — Помпея Трога, неудачно сокращенный автором III века н. э. М. Юнианом Юстином. Вследствие небрежности эпитоматора в рассказе оказалась лакуна, охватывающая годы 94—55 до н. э. Римско-парфянские войны 55/54 и 36 годов до н. э. подробно изложены у Плутарха (I в. н. э.) в биографиях Красса и Антония. Упоминание о целом ряде событий, происходивших в Парфянском царстве, и главным образом о сношениях Парфии с Римом, мы имеем в сочинениях Диона Кассия (III в. н. э.), Иосифа Флавия (род. в 37 или 38 г. н. э.) и Тацита (ум. в 120 г. н. э.). Эти сочинения охватывают период с 69 г. до н. э. по 72 г. н. э.

Ценные сведения рассыпаны и в других сочинениях античных авторов. Из них назовем Полибия (ум. около 120 г. до н. э.), Страбона (современника Августа), Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), Плиния Старшего (ум. в 79 г.), Аппиана (II в.). Некоторые сведения есть у римских писателей Веллея Патеркула (I в.) и Флора (II в.), опирающихся на утерянные части труда Тита Ливия (ум. в 17 г.), и других.

Особое место занимает сочинение Исидора Харакского, написанное в последние годы до н. э. Это своеобразное историко-географическое описание Парфянского царства, отражающее его состояние примерно на рубеже христианской эры.

Все эти источники, написанные в лагере исконных врагов парфян, отражают, в основном, лишь факты внешней истории Парфянского царства и касаются, по существу, только взаимоотношений Парфии с Римом. Факты внутренней истории Парфии упоминаются лишь от случая к случаю, а о структуре и общественной жизни царства из этих источников можно почерпнуть лишь самые общие и подчас противоречивые сведения.

Столь же мало дают нам армянские, китайские и иные литературные источники.

Парфянская историческая традиция нам совершенно не известна.

Нумизматический парфянский материал, разумеется, дал много для установления хронологии. Внимательный анализ этого материала может дать интересные сведения по некоторым вопросам экономики Парфянского царства.

Археологический материал, относящийся к парфянскому времени, чрезвычайно скуден. На территории Ирана, по сути дела, до сих пор не велось никаких планомерных раскопок памятников парфянского времени. Только на территории Советской Туркмении усилиями Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции под руководством М. Е. Массона начали вскрываться парфянские слои древней Нисы — одного из старых парфянских центров, сохранявшего, повидимому, свое значение и в те времена, когда центр Парфянского царства переместился на запад, в Месопотамию.

Ввиду такой скудости источников появление каждого нового документа, проливающего хотя бы слабый свет на социальную структуру парфянского общества, на неизвестные нам доселе стороны жизни Парфянского государства, имеет большое научное значение.

Выше и в иной связи мы уже упоминали о тех документах на различных языках, которые дошли до нас из Передней Азии и Ирана от времени господства там парфян. Таких документов очень немного. По существу говоря, реальную помощь в понимании социальной структуры, административного устройства и общественной жизни Парфянского царства нам оказывают следующие документы:

1) три сделки купли-продажи из Авромана, уже неоднократно упоминавшиеся нами: две из них (в двух экземплярах каждая) на греческом и одна на парфянском языке; документы говорят о продаже виноградника; относятся, как уже указывалось, соответственно к 88, 22/21 и 11/10 (?) гг. до н. э.; проливают некоторый свет на отношения внутри сельской общины, на правовую систему и административное устройство в Парфянском царстве;¹

2) документ из Дура-Европос на греческом языке, содержащий кабальный договор, связанный с займом неким Барлаасом у некоего Фраата 400 драхм; датировка — 121 г. н. э.; дает некоторые сведения о рабстве в Парфянской державе и о правовых нормах, применявшихся в Месопотамии в указанное время, а также об административной системе в Парфянском царстве;²

3) письмо царя Артабана III городу Сузам, подтверждающее выборы городского магистрата; датировано 21 г. н. э.; дает ценнейшие сведения о внутреннем устройстве самоуправляющегося полиса и его отношениях с царской властью.³

¹ См. указанные выше работы Миннза и Нюберга.

² См. указанную выше работу: M. Rostovtzeff a. C. B. Welles. A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates. Yale Classical Studies, II, 1931, стр. 51, 52; см. также: Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres, Paris, 1930. Фрагмент подобного же документа найден был Ф. Кюмонном в Дуре (Fr. Cumont. Fouilles de Dura-Europos. Paris, 1926, стр. 281 и сл.).

³ См. указанную выше работу: C. B. Welles. Royal Correspondence of the Hellenistic Period. New Haven, 1934, стр. 299—306. Клинописные документы из Вавилонии парфянского времени отражают отношения, характерные для городов Южного Междуречья и сравнительно мало дают для понимания особенностей Парфянского царства. Немногочисленные и краткие надписи (семитические, греческие, латинские) из Дуры, из Суз и т. д. очень мало прибавляют к нашим знаниям о Парфянском царстве.

Естественно, что при такой скудости документального материала серия черепков из Нисы приобретает особо важное значение.

Это наиболее ранние из дошедших до нас правовых документов парфянского времени, написанных на территории Парфянского царства.

Они происходят из старого парфянского центра — Нисы, относятся, вероятнее всего, ко времени правления Митридата II, периоду расцвета парфянского могущества.¹

Вступив на престол около 123 г. до н. э., в трудный для своего царства момент, Митридат II прежде всего упрочил свое положение на западе, окончательно подчинив непокорного царя Харакены.

На востоке военные усилия парфян содействовали отклонению основной оси движения саков на юг, в результате чего эти кочевники стали оседать в древней Дрангиане, вокруг озера Хамун и дальше на восток — в Арахосии.

Как далеко на восток простирались владения Митридата II — сказать трудно. Тарн, на основании данных китайских источников, считает, что около 115 г. до н. э. парфяне захватили Мерв и с тех пор удерживали его в течение многих лет, так что границей парфянских владений с землями массагетов на этом участке являлась Аму-дарья.² Интересная серия монет-медалей с названиями восточноиранских и среднеазиатских областей — Маргианы, Траксианы и Арейи с греческой надписью ΚΑΤΑΣΤΡΑΤΕΙΑ (т. е. 'в походе'), как полагает ряд исследователей, должна была как раз увековечить успехи Митридата II на восточных границах его царства.³

Мы здесь не станем касаться дальнейших действий Митридата II на западе, в частности всей его сложной политики в Армении, первых столкновений с Римом и т. д. Достаточно будет сказать, что период появления публикуемых нисийских документов был временем упрочения власти парфян на востоке, в собственно Парфии, Маргиане, Арее и других областях.

Как мы уже видели выше, нисийские черепки являются серией однотипных хозяйственных документов, скорее всего — серией расписок или копий с расписок, выданных в получении сборов вином с ряда виноградников.

Конечно, документы подобного рода из Парфянской державы нам чрезвычайно интересны, так как должны были бы помочь нам разобраться в особенностях социально-экономического строя среднеазиатского общества в древности. Вопрос этот имеет чрезвычайно большое теоретическое значение, но, за неимением точных данных, все высказываемые в последнее время в советской науке гипотезы

¹ Как было уже сказано выше, мы склоняемся к тому, что нисийские документы датированы по аршакидской эре.

² W. W. Tarn в: *The Cambridge Ancient History*. Ed. by S. A. Cook, F. E. Adcock and M. P. Charlesworth, vol. IX, Cambridge, 1932, стр. 584, 585. Разворачивающиеся в районе Древнего Мерва раскопки ЮТАКЭ должны будут, в частности, ответить и на этот вопрос.

³ См., например, М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии ВДИ, 1950, № 3, стр. 47; В. В. Тарн (ук. соч., стр. 587) полагал, что эти монеты чеканил не сам Митридат II, а его соправитель на Востоке. Некоторые авторы приписывают эмиссию всей серии чекану Фраата II (A. Gutschmid. *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer...*, Tübingen, 1888, стр. 74; А. К. Марков. Неизданные арсакидские монеты. ЗВО, VI, СПб., 1892, стр. 279—281), Артабана II (E. T. Newell. *The Coinage of the Parthians. A Survey of Persian Art*, I, London—New York, 1938, стр. 281), или Синатрука (так полагал Макдауэлл). Об этих монетах см. также: N. Debevoise. *A Political History of Parthia*. Chicago, 1938, стр. 40, примеч. 51; R. H. McDowell. *Coins from Seleucia on the Tigris*. Ann-Arbor, 1935, стр. 52.

о характере социально-экономических отношений в Средней Азии и прилегающих к ней странах древности основываются лишь на косвенных и не всегда убедительных данных.

К сожалению, нисийские документы в силу своей краткости и специфичности дают нам мало исторического материала, но все же они содержат некоторые ценные и новые сведения.

Прежде всего вспомним содержание документов.

В них говорится, согласно нашему пониманию, о том, что с виноградников, обложенных какой-то податью, получено столько-то хумов (вина) в качестве взноса на такой-то год, причем этот факт подтверждается должностным лицом.

Попробуем разобраться в этих документах.

Прежде всего внимание привлекает открывающая все документы канцелярская формула: „Согласно этой расписке...“ (по другому толкованию: „По предъявлении этого...“). Из этой формулы мы узнаем, что прием подати оформлялся специальным документом.

„...Из виноградника податного (т. е. подлежащего обложению)...“.

В этой части формулы интереснее всего термин $\bar{\alpha}\beta\bar{\alpha}\zeta\bar{\nu}\alpha\rho$. Этимология этого слова разъяснялась выше. Если наше толкование его правильно, то можно заключить, что существовала определенная категория земель, подлежавших обложению, несущих *баж*. Наличие такой специально оговоренной категории заставляет предполагать и существование другой категории земель, освобожденных от *бажа*, не подлежащих обложению. Само слово $(\bar{\alpha})\beta\bar{\alpha}\zeta$ -, в средние века $\bar{b}\bar{\alpha}\zeta$ -, известно нам из ряда источников. Первоначально обозначая подать вообще, в средние века этот термин обозначает специальные таможенные сборы, взимаемые феодалами при проходе купцами их владений. Как видно из нисийских документов, этот термин в парфяnsкое время применялся, повидимому, для обозначения поземельного налога.¹

В следующем абзаце документов уточняется название виноградника. Один раз в одном документе упомянуты два виноградника (документ II). Этимология названий виноградников не ясна. Дважды встречается название с окончанием -ВКН, соответствующее окончанию в названии виноградника, известного нам из документа Авроман III. Нюберг, автор исследования об этом документе, не решился дать этимологию этого компонента названия виноградника $\bar{D}\bar{\alpha}t\bar{b}\bar{\alpha}k\bar{\alpha}n$. Воздержимся пока от этого и мы, указав только на то, что наличие этого компонента в названии виноградников, расположенных в разных концах Парфянского царства, не может быть случайным.

Далее говорится о том, сколько же должен поставить данный виноградник. Счет ведется на хумы — большие сосуды-пифосы. В связи с этим возникает ряд интересных вопросов. Во-первых, подать поступает в натуре. Хотя в документах и не указано, что оприходовано вино, но это ясно из места получения (виноградник) и счета поступления мерами емкости. Во-вторых, счет ведется на хумы. Археологам Средней Азии хорошо известны эти большие, подчас отлично сделанные и интересно орнаментированные сосуды. В них хранили зерно, масло, вино. Новым является тот факт, что хумы бывали стандарт-

¹ Примеры применения термина *баж* в разные времена см. выше, стр. 34. Отметим здесь только сведения об употреблении этого термина именно в парфяnsкое время: упомянутый у Исидора Харакского $\beta\alpha\zeta\iota\gamma\rho\alpha\beta\alpha\nu \delta\epsilon\epsilon\sigma\tau\iota\tau\epsilon\lambda\omega\nu\iota\omicron\nu$ — *бажирабан*, т. е. место сбора податей.

ными и тем самым служили мерами емкости. Было бы желательно, чтобы археологи занялись уточнением этого вопроса.¹

Остается без ответа важный вопрос: сколько же вина поступало и из какого расчета? Мы видим во всех документах, что число хумов невелико, — оно ни разу не превышает десятка. Однако, не зная емкости хума, мы не можем сказать, сколько же вина поступало с каждого виноградника.

Если мы даже и узнаем количество вина, — это нам мало поможет в деле определения величины сбора: мы не знаем ничего ни о виноградниках, подлежащих обложению, ни об их площади, ни о количестве лоз в них.

Поступлениям сбора велся, как видно, строгий учет. Мало того, следующая формула документов: „Взнос на год такой-то...“ говорит нам о том, что при взимании сбора (подати) существовал известный законный порядок;² в документе указывалось, за какой год получена подать, что в какой-то мере охраняло виноградаря от произвола и давало возможность государственной власти вести учет имеющимся в ее распоряжении ресурсам.

С кого же взимается этот сбор или подать? Этот вопрос чрезвычайно важен. Отметим, что плательщик нигде не указан. Следующий за приведенной выше формулой с датой глагол — „доставил, доставили“ — употреблен безлично. В предложении нет явного подлежащего.

Почему же упомянут виноградник, но не назван по имени владелец этого виноградника? Думается, потому, что этим виноградником владело не отдельное лицо, а община. Кроме того, это же обстоятельство указывает на поземельный характер подати. Если сделать такое предположение, то станет ясным безличное употребление глагола НУТУ ‘доставили’.³

Кто же взимал подать и в чье распоряжение она поступала?

Если не непосредственным сборщиком подати, то приемщиком ее в административном центре был упоминаемый в документах чиновник — марубар или мадубар (?).

Мы никогда еще не встречали упоминания в повествовательных источниках, документах или эпиграфических памятниках такого должностного лица.

Содержание документа, как кажется, подтверждает предложенные нами иранские этимологии этого слова, дающие значения либо „счетовод“, либо „виночерпий“.

¹ Большой хум, найденный Согдийско-Таджикской археологической экспедицией во время раскопок 1949 г. на городище древнего Пенджикента, имел княжеский знак, известный также по монетам. Быть может, этот знак удостоверял стандартную емкость сосуда?

² Вопрос о налоговой системе в Парфянском царстве был до сих пор неясен, и М. М. Дьяконов высказывал в 1946 г. мнение о том, что можно сомневаться, существовала ли в Парфии налоговая система, не ограничивался ли царь взиманием более или менее регулярных даней. Как мы увидим, нисийские документы показали полную необоснованность такого предположения.

³ Заметим, что и в авроманских документах речь идет об общинниках, уступающих только часть своего надела (μερος) с согласия соседей, подтвержденного подписями. Покупающий становился, таким образом, членом соседской общины.

Другое возможное предположение — что речь идет о казенных виноградниках — обсуждалось выше, в разделе 4, и кажется нам менее вероятным. В частности, вряд ли получение вина с казенного виноградника было бы ограничено единовременным сбором раз в год; сбор, о котором идет речь в нисийских документах, был именно таким единовременным сбором, и сам документ был гарантией от дальнейших требований. Поэтому даже при чтении *uzbar*, вместо *āzāzbar*, этот термин можно понимать только как ‘приносящий (подать)’.

Появление этого нового термина обогащает наши сведения об административном аппарате.

Обстоятельства находки большинства документов должны помочь нам определить компетенцию и круг деятельности названного чиновника.

Как уже упоминалось, документы найдены в 1948 г. внутри калы городища Новая Ниса при земляных работах под северным (внутренним) фасом возвышенной части, где предполагается местонахождение дворца правителя.

Поэтому вероятно, что интересующий нас чиновник состоял при местном правителе, занимался учетом и приемом поступлений в казну и закрома правителя и вел соответствующую документацию.

Найденные ЮТАКЭ документы являются, повидимому, своего рода канцелярскими „отпусками“, копиями расписок,¹ хранившихся в счетной канцелярии, в то время как подлинники выдавались плательщикам с тем, чтобы избавить их от возможного повторного взимания сбора.

Все это говорит об упорядоченной административной системе, о силе и дееспособности местной власти, о широком распространении письменности. Письменность эта была парфянской. Несмотря на наличие большого количества идеограмм, все же мы имеем в текстах несколько иранских слов, из них наиболее интересным является *āβāžbar* — технический термин, повидимому специфически парфянский, так как ему не нашлось соответствующего семитического эквивалента. Интересно также встречающееся в документе II парфянское слово *pavḡāšt* в значении „свежеизготовленное (молодое) вино“. Характерно, что и винодельческий термин употреблен свой, парфянский. Не свидетельствует ли это о широком развитии в Парфии виноградарства и виноделия и старых традиций в этом виде производства?

Повидимому, парфянская власть располагала значительными кадрами чиновников и администраторов-парфян. В наших документах встречаются по крайней мере три имени чиновников, принимавших подать: два из них — широко распространенные парфянские имена — Вахуман (II, V) и Михредат (VII), одно, — вероятно, — парфянское Роштан (I, IIIa); одно имя не читается. Таким образом, „счетовод“ — это небольшой чиновник-парфянин, хорошо грамотный, знающий канцелярскую отчетность и летосчисление. Правда, мы должны помнить, что Ниса находится в коренной парфянской области. Вряд ли низшее чиновничество было парфянским где-нибудь в Месопотамии или Хузистане.

Отметим, что данные чиновники долго не задерживались на своей должности. Связано ли это с частой сменой правителей области, причем сменялся и весь административный аппарат, или с другими причинами, мы не знаем. Можно лишь констатировать, что в Нисе в 114/113 г. до н. э. „счетоводом“ в канцелярии правителя был некто Михредат, а уже в следующем — 113/112 г. — Роштан (?); Вахуман был „счетоводом“ два года подряд. Его имя стоит на документах II и V, датированных соответственно 107/106 и 106/105 годами до н. э.

Кто же был начальником этих чиновников? Каковы были его полномочия и права? Как распорядился он собранной в натуральной форме податью? На эти вопросы нисийские документы нам не дают ответа. Да и вообще система парфянского провинциального управления нам не совсем ясна.

Известно, что многие из завоеванных княжеств сохраняли своих правителей, выразивших покорность парфянам. В некоторых областях

¹ Менее вероятно — требований.

сидели наместники.¹ По аналогии с порядками, существовавшими в аршакидской Армении, некоторые исследователи считают, что в Парфянском царстве существовали должности четырех марзпанов (по четырем странам света), стоявших во главе четырех основных единиц государства. Правда, вероятно, термин „марзпан“ более поздний. В парфянское время этому термину, возможно, соответствовал другой, дошедший до нас в разных обличьях, в зависимости от языка источника: „батеша“, „бистак“, „питиахш“, „бдеахш“.² Широко практиковалось, особенно в периоды усложнения политической обстановки, назначение сопровитателя.³

Весьма вероятно, что в западных областях сохранялось селевкидское административное деление (сатрапия делилась на гипархии, а гипархия на епархии). Наименьшими единицами были статмы, представлявшие совокупность нескольких деревень. Это нам известно из греческих авроманских пергаментов.

Относительно административного деления в восточных областях Парфянской державы мы ничего не знаем; к сожалению, и из нисийских документов нельзя извлечь никаких данных по этому вопросу.

Известно, что в укрепленных местах, где стояли гарнизоны, имелись аркапаты,⁴ начальники крепостей. Быть может, такому аркапату и был подчинен марубар.

Таким образом, парфянские документы из Нисы, при всей краткости содержащегося в них текста, представляют выдающийся научный интерес. Они обогащают наши представления о парфянском языке, о парфянской письменности и сферах ее применения, о некоторых особенностях парфянского административного аппарата и, повидимому, о налоговой системе в Парфянском царстве.

Все эти новые сведения, несомненно, помогут нам в изучении древней истории народов Средней Азии, столь успешно разрабатываемой за последние годы советской исторической наукой.

Огромные достижения советской археологической науки за последние 10—15 лет позволяют надеяться, что в числе замечательных памятников культуры и искусства народов Средней Азии будут в ближайшее время добыты еще многие памятники древней письменности хорезмийцев и согдийцев, бактрийцев и парфян, что поможет подвести еще более прочную базу под изучение истории этих народов, предков современных народов, населяющих ныне республики Средней Азии.

¹ Например, Баказ, наместник Митридата I в Мидии.

² M. Rostovtzeff a. C. B. Welles. A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates. Yale Classical Studies, II, 1931, стр. 51, 52, где дается попытка реконструкции существовавшей у парфян административной системы.

³ Нам известен ряд случаев, когда такие сопровитатели назначались в западные области, если царь был серьезно занят чем-нибудь на Востоке (Гимер, Готарз).

⁴ См. пергамент X из Дуры, строка 4 (Yale Classical Studies, II, 1931, стр. 6).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ЗВО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
ЗИВ — Записки Института востоковедения Академии Наук СССР.
Изв. АН СССР — Известия Академии Наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.
Тр. ИВАН — Труды Института востоковедения Академии Наук СССР.
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London.
BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies, London.
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum.
CNH — Corolla Numismatica, Numismatic Essays in Honour of Barclay V. Head, London, 1906.
JA — Journal Asiatique.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
JRS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain.
MSL — Mémoires de la Société linguistique de Paris.
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung.
SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philologisch-Historische Klasse, Berlin.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
ZII — Zeitschrift für Indologie und Iranistik.
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Рис. 1. Черепок I. Новая Ниса. (Фотография)	24—25
Рис. 2. Черепок II. Новая Ниса. (Фотография)	—
Рис. 3. Черепок III, внешняя сторона. Новая Ниса. (Фотография)	—
Рис. 4. Черепок III, внутренняя сторона. Новая Ниса. (Фотография)	—
Рис. 5. Черепок IV. Новая Ниса. (Фотография)	—
Рис. 6. Черепок V. Новая Ниса. (Фотография)	—
Рис. 7. Черепок VI. Новая Ниса. (Фотография)	—
Рис. 8. Черепок VII. Старая Ниса. (Фотография)	—
Рис. 9. Таблица древних алфавитов Ирана и Средней Азии на арамейской основе	29
Рис. 10. Текст черепка I. (Прорисовка)	33
Рис. 11. Текст черепка II. (Прорисовка)	39
Рис. 12. Текст IIIa (внешняя сторона черепка III). (Прорисовка)	40
Рис. 13. Текст IIIб (внутренняя сторона черепка III). (Прорисовка)	41
Рис. 14. Текст черепка IV. (Прорисовка)	42
Рис. 15. Текст черепка V. (Прорисовка)	43
Рис. 16. Текст черепка VI. (Прорисовка)	—
Рис. 17. Текст черепка VII. (Прорисовка)	45

6 р. 25 к.